

Обложка художницы Дорис Ольсон
Cover by Artist painter Doris Olson

Вячеслав Завалишин

ПЛЕСК ВОЛНЫ

Viacheslaw Zavalishin

***SPLASH
OF WAVES***

NEW YORK 1980

Portrait of Author by Kira Skrjabin

Вячеслав К. Завалишин, потрет работы Киры Скрябиной

SPLASH OF WAVES

Poems and essays

Copyright © 1980 by V. Zavalishin

PRINTED IN U.S.A.

F L Y I N G D U T C H M A N
Л Е Т У Ч И Й Г О Л Л А Н Д Е Ц

*Корабельному Архитектору
и Художнику
Раулю Мина Мора*

Порт Ист Ривер под летним зноем,
В искрах солнца блестит река,
И корабль любимый мною
Мчат "Летящие Облака".*

Тени странствий! Грустите с нами
По неведомым островам,
За "Летящими облаками",
мча "Бегущую по Волнам".**

На Ист Ривер Мельвиль приходит,
И за ним Александр Грин.
Так с гравюр романтика сходит,
И корабль уж не один.

Мерь открытия парусной меркой,
Ведь от этого жить светлей!
Пусть несет в музей архитектор
Две модели двух кораблей!

А скелеты судов погибших,
Точно ребра мертвых китов,
Флот былого в наш век излишен,
И наш мир загрустить готов.

Свет и тени яви чудесней,
Воскрешая из мертвых прах,
Блеск и горечь матросской песни
Закачалися на волнах.

* "Летящие Облака" – один из самых красивых и быстроходных клипперов, какие только были известны истории мореходства. Принадлежал в середине века Мозэсу Грандвидлу, члену правления и поныне существующего Морского Банка. Клипперам нередко давались также названия: "Парящие над Волной", "Лебяжьи Паруса", "Несущиеся на Крыльях" и др.

** Александр Грин создал в своем воображении корабль "Бегущая по Волнам", ставший главным героем его одноименного романа.

*To the Naval Architect and Artist,
Raoul Mina Mora*

*The East River Port lies in summery haze,
As the river sparkles in the sun,
And the ship most beloved by me
Again “the Flying Clouds” run.*

*Shades of travels! Grieve with us
For islands still unknown,
* Beyond “the Flying Clouds”
**“Running Along the Waves” is blown.*

*Melville arrives at the East River,
With him comes Alexander Green.
Thus Romanticism comes from an engraving,
And the ship no longer is unseen.*

*Measure discoveries with a sailor’s measure,
It’s much easier to live this way!
Let the architect bring to the museum
Two models of both ships to display!*

* “The Flying Clouds” one of the most beautiful and fast clipper ships in the history of navigation, belonged to Moses Grandville. He was a director of the Seaman’s Bank which exists to this day.

** Alexander Green created the imaginary ship, “Running Along the Waves,” which is the central character of the book of the same name.

*But the skeletons of sunken vessels,
Resemble the ribs of dead whales,
Today the fleets of old are excessive,
And this our world should now bewail.*

*Light and shadow wondrously appear,
Resurrected from dead remains,
The glimmer and pain of a sailor's song
Still resound on the rolling waves.*

*Translated by
Tamara Bering Sunguroff*

Сергей Голлербаху

Залил солнцем был пляж многолюдный.
Чистый воздух – отрада для нас!
Здесь шарманку с затопшего судна
Продавал молодой водолаз.
Пусть шарманки давно не вращают :
Звуки радио заняли мир,
Но охотно её покупают,
Как антик для приморских квартир.
Кто он был, безызвестный шарманщик,
Живший больше столетья назад?
Дряхлый боцман, босяк, неудачник,
Что судьбе одинокой не рад?
Представляю пропойцу матроса
С попугаем на тощем плече.
В круг блестят огоньком папиросы,
Точно сияются море зажечь.
Пусть такой не в почете у власти,
Он любимец лихих потаскух.
Попугай обещает всем счастье
И скабрезно ругается вслух.
И в обмен за такое уменье
В шапку падает струйка монет.
Пусть корабль приходит в движенье,
Раз достаточно средств на билет.

To Sergei Gollerbach

*The crowded beach in sunlight was bathed
The clear air rejoice us!
Here a street-organ from a sunken ship
A young sea-diver has put on sale.
True, street-organs have long not been cranked.
The radio's sounds now divert the world.
But the street-organ is eagerly bought,
An antique for seaside dwellings.
Who was he, the unknown organ-grinder,
Of over a century past?
A decrepit old boatswain, a tramp, ill-starred,
Unhappy over his lonely fate?
I present a drunken sailor
On his gaunt shoulder a parakeet.
All around cigarettes glow,
As though trying to kindle the sea.
Perhaps the powers disdain him,
This sailor — a favorite of bold street jades.
The parakeet assures good fortune to all
And bawdily curses aloud,
And in exchange for this talent
A stream of coins falls into the cap.
Let the ship set under way
Once he has enough for a ticket.
But the ship is lost in a hurricane
And the organ-grinder sinks below.
Without him the parakeet is lonely —
It did not manage to drown.*

Но корабль в ураган попадает
И шарманщик уходит ко дну.
Попугай без него заскучает, —
Попугай не успел утонуть.
Залит солнцем был пляж многолюдный,
Чистый воздух — отрада для нас.
Что еще с затонувшего судна
Принесет молодой водолаз?
Из штурвалов готовятся люстры,
Фонари — из надтреснутых мачт.
Антиквар, и дотошный и шустрый,
Мастерит сувениры для дач.
Что ж, и к этому надо привыкнуть,
Раз на память для будущих лет
Сохраняют обломки реликвий,
Как забытого бедствия след.

*The crowded beach was bathed in sunlight,
The pure air rejoices us.
What else from the sunken ship
Does the young sea-diver bring in?
From steering-wheels chandeliers are made,
Lanterns from fractured masts,
An antiquarian clever, meticulous
Crafts souvenirs for summer homes.
Well, this too we must accept
If as a memento for future years
Will be preserved fragments of relics
Traces of disasters forgotten.*

*Translated by
Silvia Juran*

Художнику Юрию Бобрицкому

Мельком видел я скандинавские воды,
Но их красоту сохранил навсегда.
Варяжские скалы, как щит для природы,
И храбрая их согревает звезда.
Я рад за тебя, мореход и скиталец,
Балтийское небо открыто тебе.
Пусть реже вдали паруса разевались,
И нефтью отравлена рыба везде.
Но фауна с флорой совсем не размыты,
Хоть кровь заструилась из горькой судьбы.
Твою палитрой еще не забыта
Душевная доблесть норвежской избы.
Ветра низкорослое дерево треплют,
И тучи летят над палаткой твоей.
Исландской земли вулканический пепел
Не станет предвестием новых скорбей.
Вот сосны взметнулись над Мейнским обрывом,
Их видно в сияньи большого костра.
Здесь рак с водорослью готовлен на диво,
И чай с коньячком закипает зараз.
Когда ты вернусся в свой дом под Нью-Йорком,
Хмелеют друзья от эскизов твоих.
Шумят цветовые потоки негромко,
Хоть сила и мужество светятся в них.
Ну, Юрка, давай мне походную флягу:
Мы пьем за романтику в нашем быту!
Не выцвели в нас гумилевские фляги,
Хоть бури эпохи их яростно рвут!

To (the Artist) George Bobritskiy

*I caught but a glimpse of Scandinavia's waters,
But their beauty remained with me always.
The Varangian cliffs, like a shield for nature,
And, warming them, a gallant star.
I am glad for you, seafarer and wanderer,
The Baltic sky is open to you.
True, sails afar more rarely flutter,
And fish in every place by oil are poisoned.
But flora and fauna are not wholly ravaged,
Though from a bitter fate their blood has flowed.
Not yet forgotten by your palette
Is the inner strength of a Norwegian hut.
The winds toss a stunted tree,
And storm clouds rush by above your tent.
The volcanic ash of Iceland
Will not portend new griefs.
There pines rise steep over the precipice,
Visible in a great bonfire's glow.
Here crayfish with seaweed are wonderfully prepared,
And tea with cognac streams ready at once.
When you returned to your home near New York,
Your friends became drunk from your sketches.
Streams of color resound with softness,
Though in them shine vigor and courage.
Come, Yurka,* a flask for the road:
We'll drink to romance in our life!
Gumilev's flags have not faded in us,
Though the storms of the age rend them fiercely!*

*Translated by
Silvia Yuran*

**Yurka is the diminutive for George.*

Художнице Доррис Ольсон

"Роберт Фультон" * гудел над Ист-ривер,
Заставляя дрожать тишину,
И матросская песнь сиротливо
На гитары садится струну.

Там, старинный напев вспоминая,
Звонко пели четыре певца,
Паруса эта песнь развевает,
Можно слушать ее без конца.

Мне казалось, что я не в музее,
А схожу в девятнадцатый век.
Тень романтики здесь не ржавеет,
Если любит ее человек.

Так былое идет без утайки
В современную нашу страну.
Пусть матросская песня, как чайка,
На гитарную сядет струну.

* Старый пароход, превращенный в ресторан на якорях.

To Artist Doris Olson

“Robert Fulton” droned over East River,^{})
Forcing silence to tremble afar,
A forlorn sailor’s song with a quiver
Alights in the strings of guitar.*

*The refrain of an old reminiscence
Clearly sang ringing voices of four,
The sails billowed out with the singing,
One can listen to it evermore.*

*No museum is this where I’ve ventured,
Nineteenth Century now holds me close,
There’s no rust on romance or adventure
If that’s what a human being loves.*

*In this way, the past moves without secret
To our present-day land from afar.
Let the sailor’s song just like a seagull
Alight upon strings of guitar.*

* * *

**) The “Robert Fulton” is an old ship that has been converted into a restaurant.*

*Translated by
Yolanda Kulik*

Плач леди Франклин

*Памяти художника
Сергия Шнейфурта*

В мае 1845-го года сэр Джон Франклин организовал морскую экспедицию для исследования Арктики. Отплыли на двух кораблях с командой из 129 матросов и с запасом провизии на 3 года. После стоянки в Баффинской бухте экспедиция исчезла без следа. За сведения о пропавших была гарантирована награда в 10.000 фунтов стерлингов. На поиски сэра Франклина и его людей были посланы две экспедиции: одна из Англии, другая из Соединенных Штатов.

С 1848 по 1854 года было предпринято 15 попыток обнаружить экспедицию. Наконец в шестнадцатый раз группа, снаряжённая леди Франклин, нашла скелеты и обледенелую одежду погибших.

Баллада "Плач леди Франклин" реставрирована Вокальным квартетом морского музея в Нью Иорке.

Сто тридцать матросов на двух кораблях,
застигла в пути ледяная петля.
Куда же, куда занесло корабли,
какой лорд Франклин достиг земли?

У эскимоса членок из тюленьих шкур,
эскимосу неведомы жертвы бурь.
Быть может, несчастных всё же найдут,
когда они шлюпки тянут по льду.

Баффинская бухта хмуро молчит,
Хотя лорд Франклин ей не забыт.
Никто их не видел, никто не нашёл
и тысячи фунтов чорт в море смёл.

Поиски длятся в шестнадцатый раз,
скелеты метельный дополнят сказ.
Нашла лэли Франклин журнал судовой,
где муж её рос под судьбой горевой.

Долбит замёрзшую землю лом,
могильный крест взмятён надо льдом!
Не плачь, лэди Франклин, скелет схоронив,
Ведь мёртвые видят любовь живых!

Вольный перевод с английского.

The original English text is taken from the programs of the vocal quartet of the Historical Navy Society. I have translated from English about one hundred popular navy songs and ballads. In the "Splash of the Wave" I am publishing only "The Weeping of Lady Franklin".

Л Е Т У Ч И Й Г О Л Л А Н Д Е Ц

*"Русь надо спасать от безжалостных
людей!"*

Преподобный Адриан Ладожско-Ильменский, в миру до пострига Андрей Завалишин, Основатель Свято - Николаевского (Ондрусовского) монастыря на Ладожском озере, он был в эпоху Ивана Грозного умерщвлен наемными убийцами.

Владимиру Шаталову.

Я тону, пароход наш гибнет:
Лишь корма еще над водой.
Никому за нас не обидно
И оставил нас Дух Святой

Весла шлюпки в дугу согнуло,
И качается на ветру
Над волной в боевом разгуле
Белых чаек летучий пух.

Бурей шлюпку перевернуло,
Мы – в спасательных поясах.
Держат всех под незримым дулом
Дерзновенный ужас и страх.

Захлебнуться в соленой влаге
Будет легче, чем затонуть.
Что ж, никто не приспустит флага,
Чтоб почтить мой последний путь?

T H E F L Y I N G D U T C H M A N

*“Russia must be saved from
merciless people!”*

*The Holy-ordained Adrian Ladozhko-Ilmensky
(Andrei Zavalishin before entering the service
of God), founder of the St. Nicholas Monastery
on Lake Ladoga. During the reign of Ivan the
Terrible, he was killed by hired assassins.*

TO VLADIMIR SHATALOW

*I drown, for our ship is now sinking:
Just the stern protrudes from below.
Nobody cares or has pity
And God has forsaken us all.*

*The oars of the lifeboat are bending,
As it rocks in violent squalls –
Over waves in fighting abandon –
Are white fluffy feathers of gulls.*

*The boat overturned in storm’s tussle,
Each one of us wears a life belt.
All are held by invisible muzzles
Of threatening terror and dread.*

*To choke in the salty sea water
Is better than drowning below.
Will nobody let the flag flutter,
To honor my very last road?*

*Death beckons again for appointment,
But arrival still is postponed.
As it happens, the ship “Flying Dutchman”,
Has rescued and takes me on board.*

Смерть опять зовет на свиданье,
Но откладывает приход.
Раз корабль Летучий Голландец,
Принимает меня на борт.

Из-за туч не видно заката,
Пощадил нас девятый вал,
Здесь погибший штурман с "Марата" *
Передаст другому штурвал.

А другой был моряк с Кронштадта,
Невзлюбивший октябрьский ад.
Никогда он не был пиратом,
Но был пулею красных снят.

На волнах тут, как на обрыве
Закачались наши отцы.
Вижу: мертвые, как живые,
А живые, как мертвецы.

Беззаботный юнец с усами
Защищать меня скоро стал.
Кто же он?.. Клянусь небесами,
Самого себя в нем узнал.

Только был он меня моложе,
Кровь морская средь бурь цветет.
Его бедствие не тревожит,
Этот в горе не пропадет.

Но ведь нет у меня ни брата,
Нет ни сына, нет никого:
Орудийной пальбы раскаты
Заглушают небесный гром!

* "Марат" – советский линкор, который был сильно поврежден немецкими бомбами в Финском заливе во Вторую мировую войну. Полузатонувший корабль тем не менее продолжал обстрел из своих орудий оккупированные врагом берега.

*Obscured by the clouds is the sunset,
The ninth wave had spared all the men,
From the “Marat”*), a dead steersman
Will let someone else take the helm.*

*Another crew man from the “Kronstadt”
Who had hated the October hell,
Never had he been a pirate,
Yet red bullets got him and he fell.*

*Here on the mountainous swelling
Of the waves, our fathers now swayed.
I see: dead men are like the living,
The living are just like the dead.*

*A youth with a moustache sprang boldly
And began to defend me himself.
Who is he?.. I swear by what’s holy,
I recognized him as myself.*

*Only he, I could see, was younger,
Sea-blood amid storms always blooms.
Disasters do not drag him under,
Or will grief be the cause of his doom.*

*But still, I do not have a brother,
No son, I’ve no one any more:
The noise from the storm and sky thunder
Drowns out the gun-shooting roar!*

*) The “Marat” was the Soviet battle-ship that was badly damaged by German bombs in the Second World War while in the Bay of Finland. The half-sunken ship nonetheless continued firing at the shore occupied by the enemy.

Где же я, на каком я небе?
Прежний штурман берет штурвал.
"Ты продался за пайку хлеба!
И "маратец" затеял скандал.

Друга детства я вновь встречаю,
Неповинный в его вражде :
Мы изгнанием отвечаем
За ошибки чужих вождей!

"Будь ты проклят, пиратский вестник,
И заткни, речетворец, рот!"
Был корабль подобен песне,
Отправляющейся в полет.

Есть в команде немцы, японцы,
Что с Россией вели войну.
Печь в камбузе гаснет, как солнце,
Хоть корабль не идет ко дну.

Все пропахло враждой кровавой,
Каждый в гневе на все и всех,
И гонцов за посмертной славой,
Смерть клеймит здесь из века в век.

Тут "маратец" со зверской силой
Бьет меня, оттолкнув двойника,
Кровь из губ потекла обильно,
Перепачкав правый рукав.

Мой двойник врывается в драку,
Чтоб разнять взбешенных друзей.
"Сучьи дети!" – кричит Сваакер – *
"Я с тремя расправлюсь теперь!"

* Ван Сваакер, согласно одной из легенд, а их несколько, – капитан легендарно-мистического корабля. "Летучий Голландец" – это корабль-призрак. Встреча с ним неминуемо предвещает бурю или крушение. Те, кто спасся и был взят "Летучим Голландцем" на борт, – живые мертвецы. Воскресить их, вернуть к

*Where am I, in what sort of heaven?
The old steersman takes hold of the wheel.
“You’ve sold yourself for a bread ration!”
The “Marat” man then started a scene.*

*An old childhood friend was this fellow,
I do not deserve his strong hate:
We pay with exile for errors
Made by alien chiefs of state!*

*“You be damned, you envoy of pirates,
Speech-maker, shut your big mouth!”
This seafaring vessel was song-like,
Preparing for great distant flight.*

*Japanese are crew members and Germans,
They had battled with Russia in war.
Like the sun, the fire dies in the furnace,
Yet the ship does not sink to sea floor.*

*All reeked with a great bloody hatred,
For everything and every one,
To those seeking immortal greatness,
Death sends stigma for ages to come.*

*Roughly pushing away my double,
The “Marat” man beat me like a brute,
The blood at my lips started spouting,
And soiled the right sleeve of my suit.*

"Всех за дерзость такую взгрею,
Мы вражду в их глотки вольем :
Нет, не вешать таких на рею,
Пусть поплавают под килем."

Как змея, веревка под судном
Душит трех участников драк..
Доконать нас все-таки трудно :
Мы живем еще, как-никак!

"Капитан! На "Голландце" каждый
На былую жизнь разозлен :
Кто уже утонул однажды,
Тот не гибнет и под килем!"

Нас всегда и везде килемали,
И на суше, и на воде :
Безотрадно многие пали,
Захлебнувшись в большой беде.

Рухнут наши мечты бездарно
Под обстрелом жестоких идей :
Операция "килеванья"
Губит сотни тысяч людей.

Ждут их Север с великой стужей
И бараки концлагерей,
Чтоб жену оторвать от мужа
И от матери – сыновей.

земной жизни, по легенде, может лишь одухотворенная, жертвенная любовь к женщине или семье, или фанатичное служение Богу, то есть уход в монастырь. Корабль-призрак "Летучий Голландец" воспет в ряде песен и поэм, в том числе и в опере Рихарда Вагнера "Летучий Голландец".

*My double breaks into the fighting,
To part raging friends in melee.
“Sons of bitches!” bellows Van Svaaker, x)
“I am able to deal with all three!”*

*“I’ll give it to them, sons of Sodom,
Their hate will be poured down their throats:
No, they’ll not hang from the yardarm,
Let them swim beneath keel of this boat.”*

*Like snakes, ropes under the seaship
Choke the three combatants of strife.
To finish us off is not easy:
After all, we still are alive!*

*“Captain! Each one on the ‘Dutchman’
Is angered at life that was real:
Whoever experienced drowning,
Does not die even under the keel!”*

*We have always been given keel-hauling,
In the water as well as on land:
Unhappily many have fallen,
Choked by plight to the bitter end.*

x) Van Svaaker, according to one of the legends (and there are several) was the captain of the legendary mystical ship, “The Flying Dutchman”. This was a phantom ship. An encounter with him inevitably foretold a storm or a wreck. Those who were saved and taken aboard “The Flying Dutchman” were living dead. According to legend, only a spiritual, self-sacrificing love for a woman or a family – or a fanatical service to God (entering a monastery) could return them to life. “The Flying Dutchman” has inspired many songs and poems, not the least of which is the great opera by Richard Wagner known by that title.

А спасенный? Кому он нужен?
Много беженцев и бродяг
Близ бараков обедни служат,
Призывая чужбинный стяг.

Так у Бога спасенья просит
Бурей сброшенный с корабля.
Далеко нас судьба забросит:
За морями – не та земля.

Где теперь "Летучий Голландец"?"
Может, это только мираж?
А двойник мой – лишь голодранец
И никем не взят в экипаж.

Мой двойник упал на колени:
"Адриан наш, явись скорей!
Русь больна великим терпеньем,
Защиши народ от зверей!"

*1951 год. Транспортный пароход
"Генерал Тэйлор", на пути из
Бремен-Хаффена в Нью-Йорк.*

*The failing of dreams will come crumbling
Under the fire of harsh plans:
The practice that's known as "keel-hauling"
Destroys many thousands of lives.*

*The North waits for them with its coldness,
And prison-camp barracks with guns,
To tear wife away from her husband
And from a mother – her sons.*

*And the rescued? Who needs his endeavors?
Refugee tramp all over the roads,
Church service is held by the barracks,
Calling out for a flag from abroad.*

*This way, they ask God for assistance
When storms throw them over the side.
Fate will fling all of us a great distance:
Beyond oceans is not the same land.*

*Where now is the ship "Flying Dutchman"?
Is it just a mirage that's untrue?
And my double – a plain ragamuffin,
No one hires him to join any crew.*

*On his knees, my double is pleading:
"Appear quickly, our Adrian, please!
Russia suffers an illness and bleeding,
Protect all the people from beasts!"*

*Translated from Russian
by Yolanda Kulik*

*1951. Written aboard the
transport ship "General
Taylor" en route from
Germany to the United
States.*

ПАМЯТИ БОРИСА ЛОВЕТТА-ЛОРСКОГО

На льду Невы и ветренно и скользко:
Весь Петроград в сугробах и в крови.
Здесь бюст Садко ваял безвестный Лорский,
Не видя в революциях любви.

И здания от выстрелов дрожали,
С гранатой пробегала матросня,
И лезвием огромного кинжала
Шпиль Петропавловки казался среди дня.

Кто в студию студенческую входит,
Когда от гнева вся земля горит?
По гимнастеркам судят о народе . . .
Кто вы такой?.. Я Александр Грин.

Я рад вас видеть в этой бедной будке!
Какого зрителя Господь привел!
Скрутил писатель с горя самокрутку,
Бутылку водки водрузил на стол.

Студент печет картошины в буржуйке,
Писатель предан кружкам жестяным . . .
Так оживает серой тонкой струйкой
Былых воспоминаний легкий дым.

Стал популярен скульптор Ловетт-Лорский,
Когда увидел дальние моря,
А на его студенческих набросках
Уж чувствовалась новая заря.

Сопротивляясь океанским бурям
И опасаясь ржавых якорей,
Он статуями заменил скульптуры
Со старых и разбитых кораблей.

To the Memory of Boris Lovett Lorskii

*On the Neva's ice it is windy and slippery:
All Petrograd is covered with snowdrifts and blood.
Here the unknown Lorskii sculpted Sadko's bust,
Seeing in revolutions no love.*

*And the buildings shook from the shots,
A sailor ran by with a grenade,
And like the blade of a great dagger
Appeared Petropavlovka's spire in the midst of th

Who is coming into the student studio,
When fire blazes outside the windows?
People are judged by army shirts...
Who are you?.. I am Aleksandr Grin.*

*I am glad to see you in this sorry cabin!
What an observer the Lord has brought!
In his distress the writer rolled a cigarette,
Set a bottle of vodka on the table.*

*In the little stove the student roasts potatoes,
The writer hovers over the tin mugs...
Thus in a grey thin stream comes to life
The faint smoke of bygone memories.*

*The sculptor Lovett-Lorskii became liked
When he had sighted distant seas,
And on his student sketches
Already was sensed a new dawn.*

Так давний встречный стал ему собратом,
Предтечей романтических затей,
Когда создал из корабельных статуй
Живых и привлекательных людей.

Нет, не забыта эта встреча с Грином,
Как не забыт и ранний бюст Садко
И мрамор, и слова не опрокинуть
Забвения злорадною рекой.

■ ■ ■

*Resisting ocean gales
And avoiding rusty anchors,
He replaced sculptures with statues
From ancient and shattered ships.*

*Thus a man met long before became his brother,
A forerunner of romantic ventures,
When he created from ships' statues
People enticing and alive.*

*No, this meeting with Grin has not been forgotten,
Nor that early bust of Sadko
Marble and words will not be overturned
By the gloating river of oblivion.*

*Translated by
Silvia Juran*

КРЫМСКИЕ ФАНТАСТЫ

Елена Матвеевой

Кто сказал, что глобус наш измерен,
Что на карте белых пятен нет?
Жизнь оскудела бы без веры
В новый неисследованный свет.

Есть еще загадочные тропы
В мире гор и сказочных равнин.
Снова приезжает в Симферополь
Захмелевший Александр Грин.

Он идет по площади советской,
Но мечта к иной земле зовет:
"Дома ли художник Богаевский?" –
"Проходите в студию – он ждет."

Два фантаста не были друзьями,
Но они давно поражены
Странно одинаковыми городами
Дивной неизведенной страны.

Женщин, неиспорченно игривых,
Юношей с горящей судьбой,
Кораблей, несущих горделиво
Паруса в последний смертный бой.

С плоской заболоченою жизнью,
С миром разрушителей мечты,
И на нас волной незримой брызжет
С моря простодушной красоты.

Много в море островов бывестных,
Ни один географ их не знал.
Двум Колумбам мир казался тесен,
Каждый те же земли открывал.

C R I M E A N F A N T A S T I C S

To Elena & Marianna Matveyeff

*Who said, that our globe has all been measured,
On the map no white spots still appear?
Life would be so empty without faith
That an unexplored land lies quite near.*

*Paths exist yet to be discovered
In the world of mountain and ravine.
Coming once more to Simferopol
The "hung-over," Alexander Green.*

*He walks along the Soviet city streets,
But in dreams another land is kin:
"Is the artist, Bogayevsky at home?"
"Please come into the studio — he's in."*

*Though the two fantasitics were not friendly,
In their visions one could plainly see
Identical, imaginary cities
In divine, unknown countries still to be.*

*Women, playfully innocent and sweet,
Young men with flaming fate in sight,
Ships, carrying aloft so proudly
Their sails, into a last deadly fight.*

*With our humdrum and uneventful lives
In a shattered world of dreams gone astray,
Presently upon us, will splash unseen
From the sea, pure beauty's spray.*

Кто воображением их правит?
На словах и красках – свет весны.
Есть еще цветы, деревья, травы,
Что в гербарий не занесены.

Что ж с того, что символизм их детский?
Детям Бог наш многое открыл.
Их размах фантазии был дерзким,
В них обоих много свежих сил.

*1934 год.
Старый Крым, Симферополь.*

*Many islands in the seas still unknown
Not a single geographer knows where
For two Columbus' the world is tight
Each found out the other had been there.*

*Who in his imagination rules them?
In words and colors – the hues of spring.
There still exist flowers, trees and grasses
Whose names in no herbarium will ring.*

*What if their symbolism is childish?
To children, God has much revealed.
The scope of their fantasies was daring
Both have strength, which cannot be concealed.*

Old Crimea, Simferopol, 1934

Translated by Tamara Bering Sunguroff

ЗАЧТО?

На крыше Эмпайр Стэт Билдинг, крупнейшего небоскреба в Нью-Йорке, установлен маяк. Перелетные птицы, ослепленные светом маяка, разбиваются о стены высотного здания и гибнут.

Художница Ирина Юниус

Спешат вперед летучей массой птицы:
Их с мест сорвал естественный радар.
Но никогда маршрут не прекратится:
Инстинкт лишь смерть подставит под удар!
Взрывают воздух взмахи острых крыльев,
К далеким странам пролагая путь,
Пернатые большие эскадрильи
Летят вперед, подставив ветру грудь.
Но перелет их стал незримым горбом:
Ведь жизнь напрасной кровью истечет,
Когда маяк на крыше небоскреба
Пронзает сумрак огненной свечой!
Летят вперед доверчивые птицы,
Не видит глаз отвесную скалу.
Но никогда маршрут не прекратится:
Не всех же Бог приносит в жертву злу.
Пришел конец надеждам стаи дивным,
Вокруг огни предательски горят.
Ведь это ж надо тяжело погибнуть,
Перелетев озера и моря!

F O R W H A T ?

*On the roof of the Empire State
Building, one of New York's tallest
skyscrapers, there is a lighthouse.
Migrating birds flying overhead are
blinded by the light of the beacon.
They plummet against the walls of
the tall building and perish.*

Dedicated to the artist Irina Auniw

*A cloud of birds is flying forward,
Torn from their nests by an inner radar,
Their course shall never change:
Only death can conquer instinct!
The flapping of sharp wings explodes in midair,
Mapping their flight to distant lands
Large feathered esquadrilles wing forward
Propping their chests against the wind.
Their flight is met by an invisible mountain,
Meaninglessly their lives shall bleed to death,
As the lighthouse on the skyscraper's roof
Cuts through the dusk with a fiery candle!
Trusting birds fly forward
Blind are their eyes to the burgeoning crag.
But their course shall never change:
Not all become God's victims of evil.
The splendid flock's hopes are dashed
Against the treacherous light.
Having crossed seas and oceans,
A hard death awaits them.
Paradise falls like a charcoal plum
Amidst a dense rain of plummeting plums.*

Рой падает обугленной сливой,
Густым дождем падучих темных слив.
Такая смерть не будет горделивой,
Асфальт дорог печалью окропив.
Кому заметны судороги крыльев?
Зачем на них вниманье обращать?
Когда колеса злых автомобилей
И мертвых птиц не устают терзать.
Далекий крест с собора не сорвется
На холмики озябших птичьих тел.
Не всё ль равно, где помирать придется,
Когда судьба оставит не у дел?

* * *

1961 год. Госпиталь Сент Люкс

*Theirs is not a proud death,
Having sprinkled the asphalt with sadness.
Who sees the spasms of broken wings?
Why notice?
Even the wheels of angry automobiles
Do not tire of torturing dead birds.
To hover over the chilled humps of dead birds' bodies.
But does it matter where one dies,
When fate has decreed to depart from one's calling?*

*VYACHESLAV ZAVALISHIN
1961, St. Luke's Hospital*

Translated by Ludmilla Thorne

КОРАБЕЛЬНЫЙ РЕКВИЕМ

*Морскому археологу
Питеру Трокмортону!*

Шуми, волна, о берег сильно бейся.
Здесь просинец затер небесную лазурь.
Спят корабли, уставшие от рейсов,
Спят клиппера, уставшие от бурь.
Немного уцелевших "ветеранов"
Осталось нам от парусных времен,
Хоть реставратор залатает раны
У выцветших, но дорогих знамен.
Спит боевая гордость *Трафальгара,
Спит **"Катти Сарк" в сияньи голубом.
Их долгий век гниеньем не покаран,
Их не прикончили самосудом.

* Это "Виктория", легендарный корабль, на котором погиб выигравший исторический бой адмирал Нельсон. "Виктория" сохранилась и до сих пор символически числится в английском флоте.

** "Катти Сарк", замечательный клиппер, который спасен от гибели и сделан бесценным экспонатом одного из английских морских музеев.

REQUIEM FOR SHIPS

*To Naval Archaeologist
Peter Throckmorton*

*Sound, O wave, and break forcefully on the shore!
An indigo streak has erased the azure blue.
The great ships sleep, weary from their races,
The clippers sleep, weary from the storms.
Several enduring “veterans”
Remain with us from sailing days of yore,
Though the restorer patches the wounds
Of faded, but expensive crests.
Sleeps the battle’s pride of Trafalgar*
Sleeps the “Cutty Sark”** in a blue haze.
Their old age has not been afflicted by rot,
A “kangaroo court” has not condemned them.
A wave stirs the distant, shifting shore
Where no autos or horses can exist.
There the sad remains completely rot away
Of vessels vanished without a trace.*

* “The Victoria”, a legendary vessel on which Admiral Nelson perished after the abovementioned battle. “Victoria” is preserved to this day and is a symbolic member of the British Navy.

** “The Cutty Sark”, a wonderful clipper ship which has been saved from destruction, and is a priceless treasure in one of the British Naval Museums.

Волна колышет дальний берег шаткий,
Где нет автомобилей и коней.
Там догнивают жалкие остатки
Бесследно погибавших кораблей.
* "Пастолусу" не быть на горизонте,
Он под плохой болотистой судьбой.
Не потому ли видят Дринг и Кортум
Лишь доски, зараставшие травой?
А ** "Радость всех морей" в небытие уронят,
Допустят до бесславного конца,
Раз в палубу уже пустили корни
Два гибких и отважных деревца.
Романтика хирела и скучала,
Всё с корабельной техникой судясь,
Но *** "Вивертри" гарцует у причала,
Музейной славой в старости гордясь.

* "Пастолус" – парусный корабль, построенный в 1891 г. и еще в 1926 г. плававший вблизи Аляски. В 1957 г. от корабля остались лишь жалкие развалины. Эксперты морских музеев и блестящие реставраторы Карл Кортум и Гарри Дринг ничего уже сделать не могли.

** Парусный корабль, который вряд ли удастся привести в порядок и сохранить. В XVII-XIX в.в. кораблям нередко давали названия "Радость всех морей", "Счастье всех морей", "Слава всех морей".

*** "Вивертри" – старый парусный корабль, гордость нью-Йоркского музейно-портового комплекса на Ист-Ривер.

“The Packard” founded off Huntington’s shore
While a jazz-band played a requiem for the deceased.
What a meeting with a sunken schooner
The one, that Bering navigated,
Now Russia is perplexed with the problem,
Should they beach the vessel on the shore?
In the depths, the frigate “Pallada”** lies in peace
That one on which Goncharov*** had sailed,
The relic should be raised up from the bottom;
But the marine museum is not prepared for this.
The loss of many, many others will smother
And from their ill-fated paths they will not stray.
Neither the ships expired on dry land,
Nor the ships sunk to the bottom.
Fish now cherish “The Great One”
The wounds gaping in its hull.*

* “The Benjamin Packard”, though still in good condition in 1929, was sold at auction for a fraction of its cost — One Thousand Dollars — and converted into a night-club.

** The ship of the famous explorer, Vitus Bering (17th century) was wrecked during a severe storm and flung onto the Russian shore.

***Goncharov, the author of *OBLOMOV* (*The Lump*) and *OBRIV* (*The Chasm*) described his picturesque voyage aboard the frigate “Pallada”.

Кого еще судьба на гибель гонит?
Какой корабль без вести пропал?
Погиб * "Паккард" на пляже Хантингтона
И джаз-оркестр старца отпевал.

Какая встреча с затонувшей ** шхуной,
Той, на которой Беринг уплывал,
Теперь Россию окрыляет дума,
Устроить судно на земной привал.

Покоится на дне фрегат *** "Паллада",
Тот, на котором плавал Гончаров,
Реликвию со дна поднять бы надо:
Морской музей на это не готов.

Безвесье многих, многих передушит
И не уйдут от окаянных пут
Ни корабли, подохшие на суше,
Ни корабли, пошедшие ко дну.

* "Бенджамин Паккард" – парусный корабль, который в хорошем состоянии был в 1929 г. продан на аукционе за бесценок, за 1000 долларов и превращен в танцевальный клуб на воде.

** Судно знаменитого мореплавателя Витуса Беринга затонуло, но во время сильной бури было выброшено на русский берег.

*** Автор "Обломова" и "Обрыва" красочно описал своё плавание на фрегате "Паллада".

*“The Pastolus”** on the horizon is not seen,
Its dire fate to rest in a boggy deep.
Is that why Dring and Cortum see
Only planks, overgrown by sea-weed?
And “The Joy of the Seas”*** flung to anonymity,
To an untraceable end has come,
Into its decks already, roots have grown
Of two strong and pliant saplings.
Romanticism hasailed and pined away,
Constantly by technology beset,
But “The Vivertre”**** is rolling at her moorings,
A museum’s glory in her old age.
Who else by Fate is driven to perish?
Which ship has disappeared without a trace?*

* “*The Pastolus*” a sailing vessel built in 1891, and still in service near Alaska till 1926. In 1957, only a wreck remained. Even such specialists in ship restoration as Carl Cortum and Garry Dring were not able to salvage it.

** “*The Joy of the Seas*” – It is doubtful that this beautiful ship can be restored. Such names as “Joy of the Seas”, “Luck of the Seas”, “Glory of the Seas”, were popular from the Seventeenth to Nineteenth Centuries.

*** “*The Vivertre*” – an old sailing-ship, the pride of the New York Museum – dockyard complex.

Корабль "Великий" рыбы полюбили,
Пробоины не скроешь на груди.
Там раковины корпус облепили,
У осьминогов беспокойный вид.
Пусть "Полли Вудсайд" превратилась в "Рону",*
Вся в белоснежных, сильных парусах,
Она в волну бросается с разгона,
И мачты облака хватают в небесах.
Корабль спасен от тяжкого заката,
Причал музейный стал ему родным.
В развалины приходит реставратор
И мертвое становится живым.
Не зря же спасена Трокмортоном "Елисса",
Старейший из живущих кораблей,
Шум парусов в столетьях не освистан,
Пусть ржавчина сойдет с музейных якорей.

*

*"Рона" – парусный корабль, который ранее назывался "Полли Вудсайд". Корабль этот, благодаря реставратору Карлу Кортуму, сохранен для морских музеев.

*Crustaceans have covered its body,
While octopi move restlessly inside.
Let "The Polly Woodside"** be rechristened "Rona",
Clad in snow-white, powerful sails.
She dashes into the water at full speed,
And her masts grab the clouds in the sky.
The ship is saved from a setting sunset
For the stuff of museums is familiar to it.
Restoration is done to the wreck
And the dead returns to life.
In Piraeus, "The Elissa" rescued by Throckmorton
Is revived like an ocean breeze
The ship has not been cast aside
But is rid of her rusty anchors.*

Translated by

Tamara Bering-Sunguroff

* "Rona", a sailing ship which previously had been named "Polly Woodside". Thanks to the restoration by Carl Carum, this vessel has now been preserved for the marine museums.

ДИРИЖАБЛИ НАД ОКЕАНОМ

Однажды мы сидели в рыбном ресторане "Свит". Борис Сергиевский, один из самых лучших летчиков-испытателей, каких знала заря авиации, Жорж Северский, певец и летчик, и я, мечтающий лишь о том, чтоб у моего стиля выросли б обтекаемые крылья.

Ресторан "Свит" существует с 1846 года.

Из окна открывается вид на Ист-Ривер, окно глядит как раз на ту пристань, где теперь пловучий музей. Тогда его еще не было.

Ресторан, по преданию, посещали Эдгар По, Герман Мелвиль, Джек Лондон, Эрнест Хэмингуэй, чья моторная лодка была пришвартована к пристани у Ист-Ривер.

Ресторану "Свит", думается, не случайно придано сходство с каютой парусного корабля.

При крепком ветре сходство усиливается.

Наш столик был расположен у окна. Из него видны волны реки, кипящие, как расплавленное олово. Над рекой сизое, опаленное заревом вечернего заката, небо.

Высоко в небе пролетают, следя один за другим, два дирижабля. Они поразительно похожи на голубых китов в океане. В наши дни дирижабли так же вымирают, как и голубые киты.

Разговор зашел о суперскоростных самолетах, которые летят куда быстрее, чем звук. Старый летчик-испытатель посмотрел на дирижабли с какой-то завистью и сказал:

— А почему, все-таки, мы предпочитаем скорость звука скорости голубых китов? Лететь на дирижабле как-то уютнее, чем на самолете... Ведь и на парусной яхте приятнее, чем на пароходе.

Я пожал капитану Сергиевскому руку и сказал:

— Я тоже так думаю, Борис Васильевич.

Dirigibles over the Ocean

We were once sitting in the seafood restaurant, "Sweet". There was Boris Sergiyevsky, one of the best test-pilots that the dawn of aviation ever knew, George Seversky, singer and pilot, and myself, who only dreamed of growing a pair of streamlined wings about my body.

The restaurant "Sweet" has existed since 1846. From the window opens a view of the East River. The window looks out on that pier where there now is a floating museum. It was not yet there at the time.

It is the restaurant's legend that Edgar Allan Poe, Herman Melville, Jack London and Ernest Hemingway frequented it. The latter's boat was moored in an East River pier.

One imagines that the restaurant "Sweet's" resemblance to a sailing vessel's cabin is not accidental.

During high winds, this resemblance is re-enforced.

Our table was situated by a window. From it, the river's waves could be seen, looking like molten lead. Above the river was the sky, blue and burnished with the glow of sun-down.

High in the sky, two dirigibles fly by, one behind the other. They resemble, to an amazing degree, blue whales in the ocean. In our days, dirigibles are dying out just as blue whales.

Our conversation turned to supersonic aircraft that fly much faster than sound. The old test-pilot looked at the dirigibles with some envy and said:

"Why, after all, do we prefer the speed of sound to the speed of blue whales? It's somehow cozier to fly in a dirigible than in an airplane... After all, it's pleasanter in a yacht with sails than on a ship."

I shook Captain Sergiyevsky's hand and said:

"I think so too, Boris Vasilievich!"

* * *

translated by Yolanda Kulik

Братишка бежал с парохода :
Постыла советская власть.
Фальшивых забот о народе
Россия отведала всласть.

Ну, что же, окончишь бродягой
Иль будешь курей сберегать,*
Прощайся с морскою отвагой.
Забывший свою "благодать".

К тому ж пароходу навстречу,
Напялив пурпуровый бант,
С чужой стороны, издалече
Пришел пожилой эмигрант,

Что помнит родные рябины,
Калитку в безбедном селе.
Крестьянок проворные спины
(На солнце им жать веселей).

Обоих "свои" окружают,
Чтоб вырвать из вредной среды.
Тюрьма одному угрожает,
Другой же счастливцем глядит.

Не все ж призывают к отмщенью
За кровь с незалеченных ран,
Не всякий же невозвращенец
Уйдет с приютивших нас стран.

Братишка не хочет в Россию :
Скорей бы удрать от беды!
Поверил другой, как в Мессию,
В победу кремлевской звезды.

* Шила в мешке не утаишь : многие невозврашенцы вынуждены в Америке работать на куроводческих фермах.

*The young fellow was fleeing the vessel
How corrupt became the regime,
False hopes had pervaded the people,
Russia discovered, it seems.*

*Well, so, you'll end up a drifter,
Or a keeper of chickens perhaps.
Farewell to your seaman's adventures,
Forget all your blessings, ole chap.*

*Toward the very same vessel,
With all his possessions at hand,
From the other side, at a distance,
On walked the elderly man.*

*The fellow was troubled and angered
No, no, one doesn't go back
But in the very same bus he was seated
Which was leaving the elderly chap.*

*He remembers his native orchards,
The gate in his sorrowless town
The nimbleness of the peasants
In the sun they prefer to sow.*

*Both are encircled by comrades
Helping them flee from their wrath
A prison is awaiting the one
or the other, its freedom he hath.*

*Not all aspire for vengeance,
For the blood of their unhealed wounds,
Not all who strive for their freedom
Depart their embraced lands so soon.*

*Our comrade has departed from Russia,
Behind him his sorrow is far
The other as if in Messiah
Sees victory by the Kremlin star.*

Навеки расходятся судьбы.
Что ждет их, тюрьма иль сума?
Порядок жестокий и грубый
Не в силах Россия сломать.

А что, если все же сломает
Противников мирная рать?
Скучавшим по отчему краю
Напрасно ль амнистии ждать?

Ведь оба они горемыки
И будут всю жизнь страдать.
В какой стране Феликс Великий
Палаческий орден создаст?

*Forever their destiny's part
What awaits them, prison or wealth
An order so crude and so brutal
Is powerless to break Russia's heart.*

*Supposing they manage to break it,
It's enemies hosts at the gate.
In longing for your fatherland
In vain your amnesty await?*

*Indeed, both are poor devils
Will suffer the rest of their lives.
In what country will Felix the Great */
A hangman's order create?*

Translated by P.D.

*/ Felix Derzhinsky, the founder and head of the communist political police during the early post-revolutionary years.

РЫБНЫЙ РЫНОК

(Художнику Сергею Бонгарту)

Взметнулися к небу огромные вышки,
И нефть добывают на крупных плотах,
И рыбы, и птицы отравой здесь дышат
И черная кровь вызывает в них страх.

Плоты закрутило большим ураганом,
Бьет траулер мощной и ярой волной,
Все воды загажены жижей поганой,
Её не очистит и дождь затяжной.

С отчаяньем вижу, как траулер тонет
И яд многотонный проник в океан,
Тунцов и макрелей на кладбище гонят :
Спасайтесь рыбные рынки всех стран!

Зачахнут садки без омаров и крабов
И лед не увидит морских окуней.
Зачем океан человеком разграблен?
Кому будет польза от рыбых смертей?

Предвижу забитую дверь магазинов :
На рынках все полки остались пусты,
И скиснут без устриц отборные вина
И самоубийством покончат киты.

К чему нам соблазны рекламных плакатов ;
Они зазывают в тучнеющий рай,
А рынки стоят перед великой утратой
И перед процессией траурных свай.

THE FISH MARKET

(Dedicated to the painter Sergei Bongart)

*Huge towers soared towards the sky
And oil is raised up on large rafts
And fish and birds are breathing poison
And black blood makes them tremble.*

*The rafts are whirled by a big hurricane
The trawler is shaken by nighty and violent waves
The water is polluted by rotten liquid
Which even constant showers cannot cleanse.*

*With despair I see how tankers are drowning
And many tons of poison are engulfed in the ocean
Driving tuna and mackerel to their cemetery;
Save yourselves, fish – markets of the world!*

*The Fish-ponds will die without lobster and crabs
And ice will not see the sea perches
Why is the ocean plundered by man?
Who will benefit from the demise of the fish?*

*I can foresee that doors will be closed in the stores
In the market all shelves will remain bare
The fine wine without oysters will sour
And the whale will commit suicide.*

*Why be terrified by ads and posters
They call us to a fertile paradise
And the markets face large losses
And a mourning procession.*

Стечет плотоядная кровь с натюрмортов.
Художник! Создай некролог осетрам!
Ведь нефть все живое отправила к черту
И красную рыбу не подали нам.

Пока еще можно добыть в ресторане
Сига, и креветок, и карпа с язем,
Шампанское тут золотится в стаканах,
А рядом – крепчайшее виски и ром.

Но эта краса остается ушербной.
А что, если вымрут все рыбы в морях?
Заброшены будут рыбачьи деревни
И все раколовки рассыпятся в прах.

К чему правращать изобилие в голод?
Как будто эпохи больших скоростей
На полном ходу кашалотов заколят
И станут глашатаем странных вестей.

Но кто же бездарный грабеж остановит
И кто же от бедствия море спасет?
Проклятье заложено в яростной нови,
Когда катастрофу оно принесет.

*Carnivorous blood will flow from still-lives
O painter! Make a eulogy for the sturgeons!
“All living species have sent oil off to hell
And red fish was not served to us.”*

*As long as one can still get fish in a cafe
Sigs, Shrimps, Carps and ides,
Champagne is bubbling in the glasses
And next to it strong whiskey and rum.*

*But this beauty will remain detrimental –
What if all the fish will die in the seas?
The fishermen’s villages will be deserted
And all the crayfish traps will be brought to naught.*

*Why should a abundance become a famine?
As if the era of great speed
Will slab the cachalot its way
And will be the bearer of dreaded news.*

*But who will stop the nonsensical looting?
And who will save the seas from woes
A curse is upon the frenzied virgin boil
And only a catastrophe will be wrought.*

Translated by L. V.

*Тамаре Берини,
прекрасной певице
и даровитой художнице*

Нарисован певуче и смело
Металлический мост чрез Гудзон,
И летучей гирляндой летели
Фонари всех машинных колонн.

Был набросок стихиной удачей,
И поток разношерстных авто
Растекался по виллам и дачам,
Задавая новаторский тон.

Жаль, что вы свой успех проглядели,
Где же ваш ясновидящий глаз?
Вы развить свой талант захотели
Слишком поздно для вас и для нас.

Все равно вам желаю удачи.
Не забыть ваш Гудзон при огнях!
Где же ваши другие задачи?
Цвет трепещет как рыба в сетях.

Ваш рисунок братается с песней,
В цветолет претворяя огни фонарей.
Так старайтесь, чтоб стали известней
Песнь и краски для многих людей.

*To Tamara Bering Sunguroff,
an excellent singer and gifted artist.*

*Composed so lyrically and boldly
A metal bridge the Hudson River spans,
And floating garlands endlessly winding
Are the lights of auto caravans.*

*The sketch was spontaneously successful
As bands of multi-colored cars stream
Flowing along to different homes and villas,
Creating a modernistic color-scheme.*

*It's a pity that fortune has missed you
Where's your clear and objective focus?
You decided to develop your talents
Too late for yourself and for us!*

*Anyhow, I still wish you happiness
The Hudson lit, never will I forget!
But what happened to your other tasks?
Colors fluttering like fish in a net.*

*Your sketch is like a musical phrase,
The car lamps are brilliant flights of light.
Try to attain then, more fame and renown
For your lovely songs and color bright.*

Translated by E.T.

*Художнице
Евгении Кутузовой-Эресь*

Опять за церковной оградой
Увижу я море в дыму,
Туман, угасая близ сада,
У шхуны скрывает корму.

А храм чуть синее, как парус,
Стремясь к парусам на волне,
Чтоб стали божественным даром
И земли и воды во сне.

Не верю в искусство без тайны,
Без духов, что бродят в лесах,
И выше реальностей крайних
Ваш ангел в златых небесах.

Нездешнее выше и лучше,
Чем новый иль старенький "изм".
Пусть классика ваша разрушит
Избитый абстрактный трюизм.

Вы, Женя, не бойтесь провинций :
В них ветхая дремлет краса.
Пусть в моду вошли безобразные лица
И дружит с бульдозером смерти коса.

Избитое есть и в абстрактах,
И новое в прежнем живет.
Пусть сплав поэтичности с тактом
В исканиях ваших цветет.

Реальное стало нездешним ;
И небом опавшим моря,
Раз листья цветением вешним,
О тайнах с Луной говорят.

To the Artist, Eugenia Kutuzova-Eres

*Once again behind the churchyard
I see the ocean bathed in mist
The fog, lifting near the garden,
Hides the schooner's stern.*

*And the sanctuary, slightly tinted blue,
 like a sail
Streaming towards other sails on the waves,
To make a god-sent gift
Out of the dreamlike land and water.*

*I do not believe in Art without mystery,
Without spirits, that wander through the woods.
And far superior to utter reality
Is your angel of the golden skies.*

*That "other-worldliness" is loftier and
 better
Than a new or old "Ism."
Let your classicism destroy
The banal abstract truism.*

*Abstracts are also cliché-ridden,
And the new still lives in the old.
Let the mixture of poesy with measure
Bloom in your attempts.*

*Reality has become unworldly;
And the sea engulfing the falling sky
Or the leaves in Spring bloom whispering
Of mysteries with the Moon.*

Translated by Tamara Bering-Sunguroff

Л И Г Е Й Е Д У Н К А Н

Да! Облаками мистика владеет
При зареве горящих фонарей,
Когда грозой над скорбью мира реет
Средневековый рыцарь на коне.

Копьем да станет мысль сюрреалиста
И дротиком — падучая звезда.
Вам до Парижа будет очень близко
Из отчего надежного гнезда.

Пускай в домах открыты все оконца,
Когда звучит вдали аккордеон.
Париж, согретый радостью и солнцем,
Теперь похож на ясный летний сон.

Ваш дар оценит скромный Ваш биограф
Увидев романтический залив,
Художницей становится фотограф,
Палитрой — фотообъектив.

To Ligeia Duncan:

*Discoveries are mystically controlled
As thay stand in the glow of lantern heat,
While perched upon his steed a Knight of old
Brandishes thunder over worldwide grief*

*The shooting star will turn into a spear,
A dart - the thought of a surrealist!
From where you were Paris stood so near,
Near stood the secure, the paternal rest.*

*Let the windows in the houses be opened wide
When in the distance the accordion sounds.
Paris, bathing in the warmth of jay and
How clear and calm delight a dream it seems to be
now.*

*Your gift - valued by your modest biographer
Having viewed the boy's romantic inlet,
An artist is fashioned from a photographer,
From the camera lens - the artist's palette.*

Translated by V.K.

ИНЖЕНЕР ЮРКЕВИЧ

Н. И. Катеневу

Вы, Юркевич, не знали на практике,
Как с охраною смелою шли
В Беломорье, на Каспий и в Балтику
Новгородские корабли.

Ваше счастье, что вы так старательно,
С удивительным, редким чутьем
И, механиком став, не утратили
Связи с древних умельцев бытъем.

Вы сдружились с Женей Замятином,
Старину укрепив чертежем,
У новейших идей обладателей
Древнерусское стало свежо.

Вы по праву гордились "Нормандией",*)
Но она так похожа на юм;**)
Что ходил с Новеграда в Финляндию
Властелином купеческих дум.

Так у техники вашей предтечею
Стала эра тугих парусов;
И былое воспряло замеченным
Инженером с замятинских слов,

*) Океанский лайнер, построенный инженером
Юркевичем.

**) Юм – торговый корабль древних новгородцев.

The Engineer Yurkevich

N.I. Katenev

You, Yurkevich, did not know in practice,
How, filled with brave troops
the ships of Novgorod
went on the attack in the White, the Caspian and
Baltic Seas.

Luckily for you,
upon becoming a diligent engineer,
you never lost your remarkable touch
from the works of ancient skilled masters.

You became friendly with Zhenya Zamyatin,
selling antiquity in your drawing.
Introducing the bearers of new ideas
to those of Old Russia.

You were right to be proud of the "Normandie",*)
she so much resembled the yum,**)
which sailed from Novgorod to Scandinavia
as the sovereign in the merchants' minds.

Thus the era of taut sails
became the predecessor of your designs,
and the past stood resurrected
by an engineer who listened to the words of Zamyatin.

*) An ocean liner built by Yurkevich
**) Yum - a merchant ship in Old Novgorod

Вы известны проектною тактикой,
Вы – с машиною вместо весла,
Новгородская сметка и практика
В ваш проект крайне смело вросла.

Стародавний корабль переделанным
Шел в железный технический век
С быстротою, еще не изведанной,
Королем океанов и рек.

Ваш проект неожиданной новостью
В наше время бесстрашно спешил.
Есть романтика в яростной скорости
И в движениях новейших машин.

Вы, Юркевич, дружны с самородками.
Не случайно Замятин вас свел,
И, склонившись над книжною полкою,
Он в открытиях ваших процвел.

*You are famous for your projects designs,
You - by using a machine instead of an oar -
Novgorod's cleanliness and practice turn of mind
grew extremely boldly into your project.*

*The ancient vessel altered
Entered the technical iron century,
With a rapidity not known before,
As a king of oceans and rivers.*

*Your project making unexpected news
was dashing fearlessly into our times.
There is romanticism in this vicious rapidity
As in the movement of the newest machines.*

*You, Yurkevich, are friends with persons of talent
Not by chance Zamyatin brought you together,
And bending over the bookshelf,
Made himself flourish in your inventions.*

*

КОРАБЛЬ ФЕЛИЦЫ*)

*Паруса венценосного струга
Прославляют холмы и скала.
Из столицы, из Санкт-Петербурга
К Новограду Фелица плыла.*

*И летит быстролетное судно,
Облаченное в балльный наряд,
Золотя местечковые будни,
В обветшалый затихнувший град.*

*Где же ты, Новгородская воля?
Ты в столетьях была, но сплыла!
Лишь державных велений раздолье
Здесь цветет от села до села.*

*И гудят колокольные звоны
В честь царицы Российской земли.
Ей штандарты, хоругви, иконы
Вверх по Волхову плыть помогли.*

*Пусть ты встречаешь хлебом и солью
И веселым сияньем цветов:
Челноки с окаянною голью
Будут ждать Емельян Пугачев. **)*

*Храм Софии встречает царицу
Громок, благостен пушек салют.
У солдат просвещенные лица.
Сотни певчих ей славу поют.*

*) Так Гавриил Державин, крупный поэт 18-го века называл императрицу Екатерину II.

**) Знаменитый руководитель крестьянской войны против Екатерины II.

FELICITY'S* BOAT

*The hills and cliffs bow in glory
To sails of the boat bearing the crown
From the capital, St. Petersburg,
To Novgorod Felicity is bound.*

*Decked in the finest ball regalia,
Swiftly the fleeting vessel flies,
Gilding briefly city decaying lies,
Adorning all provincial dullness.*

*Where are you, Novgorodian freedom,
You, who once were here but are no more?
Now throughout your towns and villages
Only royal privilege remains secure.*

*And carillon bells ring out to honor
Our sovereign o'er the Russian soil.
Aided by icons, standards, banners,
The Volkhov carries the vessel royal.*

*Let you be met by the warmest welcome,
By joyous bouquets of glowing hues.
But meanwhile Emilian Pugachev**
Awaits the cutthroat rabble in canoes.*

* This is how Gabriel Derzhavin, great 18th century poet, called Empress Catherine II.

** Famous leader of an 18th century peasant uprising.

*И Гаврила Державин в камзоле
Ей несет благовестие лир.
Васильки засияли на поле,
Будто их пригласили на пир.*

*Тот, кто скромен, ведет себя тише.
(Ведь воля прославлял местный свет!)
Молодой Иринарх Завалишин.*)
Сам не знал, он, поэт или нет.*

*Но поэзия — маг и кудесник.
Рифма — лук стихотворной страны.
Струг несется малиновой песней
Под разбег просветленной волны.*

*Губернатор, дворянство, епископ,
Просвещенный и избранный круг,
Порешили в честь царственно близкий
Сохранить исторический Струг.*

*Воздвигают казенный кирпичный
Мавзолей на холме насыпном.
Судно спит в обветшалом обличье
На покое своем гробовом.*

*На музей революция элится:
Пораженный орел не когтист,
И старинное судно Фелицы
Поджигает солдат-коммунист.*

*) Иринарх Завалишин — автор эпических поэм "Героида" и "Сувороида", третьюстепенный, но в свое время популярный поэт XVIII века.

*And St. Sophia greets the Tsarina
While soldiers stare with enraptured gaze.
The cannons loudly launch a salute;
Hundreds of voices proclaim their praise.*

*As if invited to a crystal feast,
Glittering flowers covered the field.
Attended by lyres, in formal attire,
Gabriel Derzhavin before her knelt.*

*He, which is modest behaves very quietly,
For the voyage had been proclaimed by
local Society,
The youthful Irinarch Zavalishin*)
Knew not himself whether he was a poet
or not.*

*Verse is a maker of miracles,
Members of an enlightened group
Agrees to honor the sovereign visit,
To guard for history the royal sloop.*

*The State then builds a mausoleum
Upon an artificial hill.
There sleeps the craft, now but a ghost,
In its coffin so shrouded and still.*

*Revolution seethes at the museum,
The defeated eagle has no claws.
And Felicity's ancient vessel burns
In accordance with communist laws.*

**) A third-rate 18th century poet, rather popular in those days.*

*"К черту прежней державы проклятье!
Над Россией господствуем мы!
Пусть сокровища выбитой энтии
Претворяются в пепел и дым!"*

*Мой отец вызывает пожарных
И в сердцах, от души говорит:
"Сколько их, Геростратов похабных
По святыням прикладом стучит!"*

*Не царица, а опытный кормчий
Выводили тот струг в русский свет.
Пропадает строитель и зодчий
Невозвратных, но памятных лет.*

*Зря сгорел в красном пламени пылком
Коронованный временем Струг.
Я, пройдя через тюрьмы и ссылки,
Не терплю вандализма вокруг".*

*

Описываемое соответствует действительности. Мой отец Клавдий Владимирович Завалишин (он был расстрелян в ежовщину) правый эсэр, был при Керенском товарищем уполномоченного временного правительства по новогородской губернии, (это примерно тоже самое, что временный вице-губернатор). И ему не раз приходилось протестовать против варварского отношения коммунистов к церквам и памятникам старины. Этим стихотворением я возлагаю символический венок на безвестную братскую могилу, где вместе с другими зарыт мой расстрелянный отец.

*"To hell with the damned past rulers!
The new monarchs o'er Russia are we!
Let smoke and ash replace the treasures
Of the deposed nobility."*

*As my father sounds the fire bell,
He shouts forth the anger in his heart.
"Obscene arsons, I curse them to hell!
How dare they defile this sacred art!"*

*""Twas not a Tsarina, but rather
An able helmsman who manned that stern.
Lost are the builders of bygone days;
They'll be remembered, yet can't return.*

*Engulfed in flames, the royal Boat,
Once crowned by Time, now burned in vain.
Though exiled, jailed, I'll bear no more
Barbarity in a world insane."*

Translated by V.K.

The description of an actual event. My father Klavdy Vladimirovich Zavalishin (he was shot during the Yezhov purges), a right-wing Social Revolutionary, was deputy plenipotentiary of the Provisional Government (similar to the provisional vice-governor) for the District of Novgorod. During these times my father frequently protested against the barbaric treatment of churches and historical monuments by Communists. I consider this to be a symbolic wreath on the grave of the unknown dead where my father is buried.

О Р Х И Д Е Я Н О Ч И

Я редко запоминаю точные даты написанных мною стихотворений, но хорошо помню, что большинство стихотворений цикла "Орхидея ночи" – 15-25 - летней давности. В последние годы, а мне 64, написаны только "На берегу овчарка завыла", "Пьяная споткнулась и упала", "Есть таверна у рыбного рынка", "Натурщице, ставшей художницей".

O R C H I D O F T H E N I G H T

I don't remember the exact dates when the poems included in this section were written. But I know for sure that the majority of these poems are 15 to 25 years old. In the last years of my life, and I am 64 now, of verses printed here, I wrote only 'A Sheep-dog was Howling on the Shore', "A Tipsy Woman Stumbled and Fell Down", "There are Taverns at the Fish Market" and "A Model who Became an Artist".

ПЕСНЬ О ТРЕХ РАЗЛУКАХ

*"Я пока еще сентиментален
Оптимистам липовым назло!"*
/Борис Корнилов/

Не подснежники в солнечных искрах,
Обледивших, как пчелы, цветы,
Паруса начали серебриться,
Точно гончая весть красоты.

Провожал я тебя со слезами
На мальчишески грустных глазах.
Шелест платья слился с парусами,
Солнце билось в твоих волосах.

"Не сердись, что тебя я обижу!" –
Говорила она : "Не скучай!
Никогда я тебя не увижу,
Позабудь про меня и прощай!"

Исчезал с поля зрения парус,
Ильмень-озеру жалко меня.
Не гадал, что когда я состарюсь,
Твои бусы во мгле зазвенят.

Пронеслись сумасшедшие годы.
Мне давно не до юной любви.
Порываю с родным мне народом :
Ты в Россию меня не зови!

Скоро, скоро совсем я состарюсь :
Нет энергии в тусклых глазах.
Твое платье белеет, как парус.
Звезды боятся в твоих волосах.

A SONG OF THREE FAREWELLS

*Not snowdrops sparkling in the sun's rays
That sting the flowers like bees,
But sails beginning to silver
A fleeting glimpse of beauty.*

*I parted from you with teardrops falling
From my boyish, mournful eyes
The rustle of your dress blended with the sailboats
As the sun struck russet lights in your hair.*

*“Don’t be angry that I’m going to hurt you,”
You told me, “Don’t be sad.
Never again shall I see you,
Forget about me and farewell.”*

*The sail disappeared from my vision,
Ilmen Lake pitied me,
I never guessed, that when I grew older
Your beads would tinkle in the dark.*

*Crazy years have sped by.
It’s been long since I recalled my first love.
Having severed all ties with my people
In Russia, do not call me back.*

Разделенной любви не дождаться:
От другого весну получай!
Я с тобой, как с мечтою расстался,
Позабудь про меня и прощай!

Ты напрасно захочешь свиданья,
Там, иная, другого встречай!
Нам нельзя избежать расставанья,
Позабудь про меня и прощай!

Гавань Бремена скрылась из виду,
Пароход наш спешит в океан.
Нет, не мне отвечать за обиду,
Не способен же я на обман.

Нас обоих сразила разлука.
Кто ж покинул кого навсегда?
Жму твою огрубелую муку.
Пусть в глазах твоих гаснет вражда.

Я не знал, что, когда я состарюсь,
Станешь ты русской песней во мне.
В старом платье, похожем на парус,
Ты идешь по пропащей волне.

Надо мной тяготеет проклятье,
Вновь разлука приходит в мой дом.
Возраст мой запрещает объятия:
Расстаюсь я с гавайским цветком.

До свиданья, моя дорогая!
Позабудь про меня и прощай.
Нет, меня не подбила другая:
Мне теперь прозябать и скучать.

Пусть Ист Ривер – не Волхов иль Волга
И заказан мне путь на Восток,
Боль души исцеляет надолго
Краснокожий гавайский цветок.

*In vain you ask for a meeting
Another one waits there for someone else.
We cannot escape our parting
Forget about me and farewell.*

*I never knew that when I grew older
You'd remain a Russian song within me.
In an old dress, billowing like a sail
You walk beside a long spent wave.*

*Good-by, my dearest!
Forget about me and farewell.
No, it was not someone else who conquered me:
The time has come to be cold and alone.*

*Let the East River — not the Volkhova or Volga
Be my preordained path to the East.
The soul's pain will find respite for long
In a red-petaled Hawaiian flower.*

Translated by

Tamara Bering-Sunguroff

Вместо некролога

Пьяная споткнулась и упала
С тем, чтоб никогда уж не вставать.
Злость волны асфальт дорог качала,
Кто тебя способен отпевать?
Ты скончалась от разрыва сердца,
Падая на серый хлад дорог,
А вокруг огней летящих блестки:
У автомобилей нет тревог.
Жалкий труп машины обезжали,
Не желая мертвой помочь,
Слишком долго полицейских звали:
Морг ведь в состояньи подождать!
Скоро смерть бартендершу скосила,
Что певичкой некогда была,
Голос пропила и прокурила
И до комнаты не добрела.
Мы твои невзгоды проглядели,
Освещает бледная луна
Комнатку в дешевеньком отеле,
Где Ист-Ривер виден из окна.
Кто тебя запомнит и заметит?
Бар не сиротеет без тебя.
Чей теперь черед на этом свете
Потерять и жизнь, и себя?

Instead of an Obituary

*Drunken woman, you stumbled and fell
So hard, never to rise anew.
A wave's rage rocked the asphalt road,
Who will sing a requiem for you?
Succumbing to a heart attack,
You fell on the cold grey pavement,
Around you sequins of lights sparkled :
Automobiles feel no bereavement.
As the pitiful corpse by cars was circumvented,
Not willing to assist the dead,
Too long the police were expected :
After all, the morgue can wait!
Death severed the bar-girl swiftly,
Once a singer of sorts she had been,
Although her voice was smoked and drunk away
No longer to her room would she creep unseen.
We looked askance at your ill luck,
The pale moon's illumination shows
A cheap room in a dingy hotel,
And a glimpse of the East River through the windows.
Who will think of you or remember?
The bar is not orphaned by itself.
Whose turn is it now on this earth
To lose his life, or himself?*

*Translated by
Tamara Bering - Sunguroff*

* * *

На берегу овчарка завыла,
И был особенным волчий вой:
В глазах собаки такое было,
Что человек не видит живой.
О пристань бьется всухшее тело,
Слегка покачиваясь на волне.
Пусть людям нет до утопшей дела.
Но зверю покоя нет!
Намок каштановый волос,
Рассыпавшийся по плечам,
Умолк ее хриплый голос,
Неслышный в гулких ночах.
Скрывает дивные ноги
Длинное платье до пят.
Танцовка надела строгий
Траурно-черный наряд.
Зачем, для чего ей это?
Для собственных похорон:
Танцовка волной отпета
Под зверя протяжный стон.

* * *

*From the shore came a shepherd dog's howling,
And the wolf howl was specially strange:
In the eyes of the dog, there was something,
That no human alive could explain.
Against wharf, a swelled body is beating,
Gently rocking upon rising waves.
The drowned woman is nobody's business,
But the animal cannot know rest!
The long, chestnut hair is soaking,
Strewn over shoulders in plight,
The voice thus silenced was husky,
Unheard now in din of the night.
The beautiful legs are hidden
By the dress that had reached to the ground,
The dancer had worn a forbidding
Funereal black evening gown.
Why and for what was this needed?
For the funeral that was her own,
The dirge for the dancer was singing
Of waves and the beast's endless groan.*

Translated by Yolanda Kulik

*Той, которая дороже всего и всех.
За то, что покинут, не упрекаю и не
осуждаю: я был бессилен устроить
и изменить ее жизнь и судьбу.*

Как лист осенний, прошлое опало,
И я опять на тягостной мели,
Ты мне ожившей статуей казалась,
Которой украшали корабли.
Красивая, с огромными глазами,
Ты над крутыми волнами летишь,
Повелевая всеми парусами
И всюду презирая гладь и тиши.

Ты вся в полете и в больших скитаньях,
Живая песнь о буре и грозе,
Пусть молнии разрушат наше зданье,
Сметая всё, что дорого нам здесь.
С растрепанными ветром волосами
Ты перед штормом с гордостью стоишь,
Когда волна, целуясь с небесами,
И в бедствиях находит страсть и жизнь.

Что ждет тебя? Победа иль крушенье
На старом судне, сбившемся с пути,
И падая на скользкие каменья,
Сумеешь ль ты до пристани дойти?
В промокшем платье ты из глаз исчезла,
И я один на скучном берегу.
Огни таверн, слезаясь, влекут из бездны,
До них добраться, кажется, смогу.

Пусть жизнь все надежды опрокинет
И неудачи зверски изобьют...
Авантурристка, падшая богиня,
Ты воскресила молодость мою!

*To her who is dearer than anything
or anyone. I do not condemn or
reproach because I was abandoned.
I was powerless to help or change
her life and destiny.*

*The past has fallen like a leaf in autumn,
And I am on the troubled shoal once more,
To me you seemed a resurrected statue,
That decorated ships in days before.
With eyes that are enormous, you are lovely,
You fly above the steep waves of the seas,
You take command of all the ship's sails boldly
And scoff at any smoothness or at peace.*

*You're all in flight and in tremendous roaming,
A living song of thunder and of storms,
Let lightning strike and ruin our standing building,
Destroying all that's here and dear to us.
The blowing winds have left your hair disheveled,
You stand before the storms with haughty pride,
Whenever there's a wave that kisses heaven,
In trouble it finds passion and a life.*

*What waits for you? A triumph or destruction
Upon the ancient ship that's lost its way,
And falling on the slippery great boulders,
Could you reach safety harbor far away?
In soaking dress, you've disappeared from vision,
And I'm alone upon the dreary shore,
From chasms, wet-eyed lights of taverns beckon,
I can reach them, of that I'm almost sure.*

*Let destiny betray and make life hopeless,
And failure come and pummel like a brute.....
Adventuress, oh lovely fallen goddess,
For me, you have restored forgotten youth!*

* * *

Translated by Yolanda Kulik

ВМЕСТО ХРОНИКИ ПРОИСШЕСТВИЙ

Памяти Боденхайма

Есть таверна у рыбного рынка,
На Ист-Ривере хватит трущоб.
Это я секундант поединка
Правосудья с дырявым плащом!
Победитель идет на работу,
Побежденный идет на грабеж.
Тот, кто был балагуром и мотом,
Мыл в реке окровавленный нож.
Полицейский его не заметил :
Оба входят в таверну, смеясь.
Джин и виски давно не в запрете,
И с порядком братается мразь.
Хорошо, что таких тут немного,
Алкоголики входят в свой "клуб".
Дай распутной бабенке дорогу,
Если ты не нахален и груб.
Всем свихнувшимся радость и слава,
Неудачникам – место и честь.
Кружкой эля я их позабавлю :
Всё для близких, раз доллары есть!
Кошелек у меня отощает,
Но приятно других угостить.
Ведь у стоек свои "заседают",
Что в кредит побоялись просить.
Закусили мы жареной рыбой
Под холодного эля глоток.
Босяки и пропойцы, спасибо :
С вами я не совсем одинок!

*In the Current Events Section
(In memory of the late poet, Max Bodenheim)*

*There's a tavern by the fish-market,
The East River does not lack for dives.
It is I, a lonely second
Dispensing justice in a torn rain-coat!
The victor goes on to his job,
The loser to rob someone else.
He, who was a wastrel and carouser,
Washed his bloody knife in the river.
The policeman did not notice him:
Both enter the tavern, laughing.
Gin and whiskey have long been allowed,
And the bums fraternize with law and order.
It's a good thing, that there aren't too many of those.
Alcoholics enter their "club".
Stand aside to let the streetwalker in,
If you're not insolent and rude.
To all the losers, glory and honor,
To the unsuccessfull, a place with respect.
With a mug of ale I'll amuse them:
Anything for all present, as long as the dollars last!
My wallet soon becomes empty,
But it's pleasant to treat someone else.
At the bar, your own kind are drinking,
What they were afraid to ask in credit.
We snacked on some fried fish
Gulped down with a glass of cold ale.
Bums and drunks, thank again:
With you I'm not completely alone!*

Translated by
Tamara Bering-Sunguroff

О Р Х И Д Е Я Н О Ч И

Той, что много поймет, если захочет, и если позволят продюсеры напечатавшие ею пластинок и режиссеры фильмов, в которых она снимается.

Вы красивая, как орхидея,
Королеваочных кабаре,
Ваши песни совсем не седеют:
Боль души неспособна хиреть.
Ваши песни взлетают высоко,
Хоть они из невзгод расцвели,
Это вы незнакомкою Блока
В мою память надолго вросли.
Вашу песнь "Жизнь проходит бесцельно"
Вы нашли, точно смятый цветок.
Вы из грусти старух в богадельнях
Музыкальный плетете венок.
Вы близ девки, избитой матросом,
Близ пропойцы, кто спит на земле,
Близ того, кто гашишом засосан
И в живой превратился скелет.
Вы близ женщин, что бросил любовник
Или муж, направляясь к другой,
Вы близ тех, кто живет не под кровлей,
А на свалке с примятой травой.

ORCHID OF THE NIGHT

To one, who will understand a great deal, if she wishes — and — if the producers and directors of her films and records will permit.

*You are beautiful as an orchid,
The queen of night-time cabarets,
Your songs will never grow stale or grey!
The soul's pain cannot fade away.
Your songs carry us to realm above
Even if they grow from despair,
But you, though unfamiliar with Blok
In memory, will flourish fore'er.
Your song, "Life Goes on Without Purpose,"
Was plucked as a crumpled flower.
Old ladies' sorrows in retirement homes
Transformed to a musical bower.
You're close to the dame, slugged by a sailor,
You're near the drunk asleep on the ground,
Close to one who is stoned in hashish
And turned to a skeleton bound.
You're near the woman spurned by her lover
Or left by her husband for someone else,
You're near those, who are living unsheltered,
In a shanty with dead, trampled grass.
They say that at heart you're a "hippie"
And cast off a weak, sickly glow.*

Говорят, что вы все-таки хиппи
И больной излучаете свет.
Наплевать на хулы и на хрипы :
Вам они не наделяют бед!
Вы, я помню, пришли на Ист-Ривер
С облетевшим цветком на плече,
Вы глядели такой сиротливой
В полумраке нью-йоркских ночей.
Пароход, засиявший огнями,
Был похож на пловучий дворец,
Никогда, никогда не увянет
Ваших песен терновый венец.
Мы увиделись на пароходе,
Вы с оркестром пели тогда,
Ваши песни становятся в моде,
Но они сохранятся всегда.
Вижу вас, одинокая пэри,
В ожерельи из ярких огней.
Песнь, волной разбиваясь о берег,
Посрывала суда с якорей.
Вам тесны ресторанные рамки,
И музейное вовсе не прах,
Представляю вас в рыцарском замке
С чудотворною лютней в руках.
Вы полюбите древнюю драму
Или танец семи покрывал,

*To hell with the boos and the critics!
They cannot harm you with verbal blows.
Remember you came to the East River
A wan corsage to your dress clinging,
You seemed like a little, lost orphan child
In the dusk of a New York evening.
The ship stood ablaze and sparkling with light,
Appearing like a castle afloat,
Never, never shall shrivel or wither.
The thorny crown of songs from your throat.
Our first meeting took place on a ship,
You sang with an orchestra there,
Your songs are the latest in fashion,
But they shall endure forever.
I see you, a desolate *Peri,
Adorned by a necklace of fire
Your songs, breaking like waves on the shore,
Tearing the ships from their anchor.
You're confined by the restaurants' borders,
Relics in museums are not mute,
I see you dwelling in an old castle
In your hands lies a magical lute.
You will love medieval drama
Or the dance of the seven veils.
For such minstrels, ** Jean Nostradamus
Tore off the royal roses frail,
We're sitting at a bar with glitt'ring walls
Our drinks make us barely survive
You – for defending a vestal's passion,
In atonement, are buried alive.*

**Peri – a Persian fairy, shut out from Paradise until forgiven.*

***Jean Nostradamus, younger brother of Michel Nostradamus – the famous physician and astrologer – was a minstrel and composer.*

Для таких менестрель * Нострадамус
Королевские розы срывал.
Мы у бара в сверкающем зале,
Но мы как-то невесело пьем.
Вы – защитница страсти весталок,
Зарываемых в землю живьем.
Вы – за женщин, побитых камнями,
Вы – за тех, кто по тюрьмам сидел.
Современность за прошлыми днями
Ваш талант хорошо разглядел.
Пью за вас, наших дней vogabundы,
Люди эры межзвездных ракет
Не поймут неприкаянных будней,
Не заметят безрадостных лет.
Вы красивая, как орхидея,
Королеваочных кабаре.
Ваши песни совсем не седеют:
Боль души неспособна хиреть.

* * *

* Жан Нострадамус, младший брат Мишеля, знаменитого врача и астролога, был одно время менестрелем и композитором.

*You – are for women, stoned by the mob,
You – are for those, whom jails have known.
Today comes only after the past
And suits your talents of reknown.
I drink to you, and our vagabond days,
But people of the rocket era
Won't understand the daily boredom
Or notice the unhappy years.
You are beautiful as an orchid,
Queen of night-time cabarets.
Your songs will never grow stale or grey!
The soul's pain cannot fade away.*

■

*Translated by
Tamara Bering*

БИБЛИОТЕКАРЬ БРОШЕН ЛЮБОВНИЦЕЙ (слишком мелко для газетной хроники)

Пароходный библиотекарь
Третий день беспробудно пьет.
Но какой же душевный лекарь
Откровенность его поймет?
Я почти ведь его не знаю,
Слышал, будто пишет стихи,
За пиджак он меня хватает —
Говорит про чьи-то грехи:
"Снова то же, что было прежде:
Катастрофы близ всех дорог!
Как же быть, если мыс Надежды
Превращается в мыс Тревог?
Эта страсть моя бедствие терпит,
Пароходом идя ко дну,
Неудачами радость меръте,
Отдавая себя вину!
Убежала без объяснений".
Всё понятно без лишних слов.
Джаз-оркестр вкрадчивым пеньем
Не уводит нас в джунгли снов.
В гибком танце кружатся пары
И ударные душу рвут.
Здесь мулатка поет в угаре,
Извиваясь, как бронзовый кнут.

A Librarian Deserted by His Mistress

(To insignificant for a newspaper article)

*The ship's librarian
Is on the third day of a drinking spree.
But what healer of souls
Can understand his candidness?
Actually, I hardly know him
Somewhere, I heard that he writes verse.
Clutching my jacket,
He mumbles about someone's sins:
"Again it's the same as it was before,
Catastrophe awaits on all paths!
What shall we do, if the Cape of Good Hope
Turns out to be Point of Bad Trouble?
My passion poverty endures,
Sinking to the bottom like a ship,
Measure joy with frustration
Blaming yourself for everything!
She ran away without explaining."
All is understood without excess words
A jazz-band with insinuating song
Cannot lead us into a jungle of dreams.
Couples are twirling in pliant dance
As the beat the soul apart
A mulatto sings in the smokey haze
Weaving about like a knout.*

"Знаю, здесь я тебя не встречу,
Верно, ты в другом кабаре.
Больше виски мне в этот вечер,
Я теперь как раненый зверь".
"Он дойдет до белой горячки", –
Шепчет мне мулатка Луиз.
"Кельнер, спрячьте бутылку, спрячьте!
Человек-то катится вниз".
Он поднялся, идет, шатаясь :
"Ну, спасибо за добрый совет.
Нет, Луиз, я не опускаюсь
И не клином сошелся свет".
(Ну, а что, если вправду клином,
Если выхода больше нет?)
"Нет, еще я не опрокинут,
Может, есть последний рассвет".
"Да, Луиз, человека жалко.
Я ведь тоже такой, как он:
Ревность бьет нас горящей палкой,
Обжигая любовный сон".

*"I know that I won't find you here,
You're probably in another cabaret.
Bring me more whiskey tonight,
I feel like a wounded beast."*

"He's going to have the D.T.'s"
Whispers the half-caste Louise.
Waiter, hide the bottle, please!
That men's going down all the way."

He rises up, continues, stumbling:
"Well, thanks for your kind advice.
No, Louise, I'm not sinking yet,
And the world hasn't come to an end."

*(So, what, if it does
If there's no other way?)*
This may be my last sunrise."

"Yes, Louise, I feel sorry for the man
*I'm also the same as he:
Jealousy beats us with a flaming rod*
Burning our love dream."

Translated by Tamara Bering Sunguroff

Той, которую в переводе с гавайского на русский зовут "Закатные блики на волнах".

Думал я, что таких лишь увидишь в романах,
Но я встретил тебя наяву.

Твой венок на груди мне всю душу изранил:
Я в другой раз его не сорву.

Ты плясала под рокот электрогитары,
Грохотал барабан и звучал саксофон,
А вокруг обнимались влюбленные пары,
Забывая смотреть эротический сон.

Сном был твой изумительный танец,
Эта дикая страсть претворялась в любовь.
За окном модернистские рушатся зданья:
Возникают букеты твоих островов.

Пусть ты пляшешь совсем обнаженной,
Но средь пальм и под шум океанской волны.
Кабаре покидают примерные жены
Под смешок ядовитый гитарной струны.

Твои ноги давно как летящие свечи.
Не забыть благодарный и ласковый взгляд.
Я надел на твои возбужденные плечи
Золотистый японский халат.

А потом мы пошли поглядеть на Ист-Ривер,
Где на мертвых стоят корабли якорях.
Эта полночь была театрально красивой,
Фонари точно желтые розы горят.

Мы с тобою на пристани долго сидели,
Говоря о музейных больших кораблях,
Паруса наших встреч изорвались, истлели:
Я давно уж на мертвых стою якорях.

*To one, who in the English
translation from Hawaiian,
is named:
“Sunset Rays on the Waves”*

*I thought that someone like you exists only in books,
But in actual life we have met.*

*The lei on your bosom tore my poor soul apart,
To tear it anew, I shall not forget.*

*You danced to the strummings of electric guitars,
The drums throbbed to the saxophone's theme,
Around us, pairs of lovers were dancing,
Forgetting to glance at the erotic dream.*

*A dream also was your exquisite dance,
This wild passion turned into love.*

*Through the windows the skyscrapers were crumbling
Bouquets from the islands bloomed above,
Continue to prance then, completely naked,
Among the palm trees to the waves's roar.*

*Exemplary wives from the cabaret are leaving
To the poisonous laughter of the guitar.*

*Your dancing legs dart about like flickering candles
I cannot forget your glance, kind and not cold
As I wrapped around your warm shoulders
A Japanese kimona of gold.*

*In a short while, we went to the East River,
Where at anchor the dead ships lay,
The night was so theatrically beautiful
The lanterns like yellow roses aflame.

For a long time, you and I sat upon the pier,
Discussing the ships, mighty and grand
The sails of our meeting are long torn
and tattered

At dead anchor myself, I stand.*

Translated by

Tamara Bering

*Бывшей натурщице,
ставшей художницей
(в надежде, что она не
обидится)*

Ты сильна экзотикой незвонкой,
На твоих картинах счастья нет:
Ищут обнаженные японки
Жемчуга на океанском дне.
Вот чего добиться захотела,
С болью покидая отчий дом:
Вместо упоенья голым телом
Вижу восхищение трудом.
Гордость есть в работницах умелых
При ножах, свисающих с бедра,
От акулы укрывайся смело:
Лучше уж погибнет лютый враг!
Нет, такое некому придумать:
Это можно только пережить.
Раковины на берег угрюмый
Брошены, чтоб пепельницей быть.
Вы, японцы, тела не стыдитесь:
Вам привычна ваша нагота.
Водоросли в глубине, глядите:
Вот какой должна быть красота!

*To a former artist's model who herself,
has become an artist: (In the hope that she
won't take offence.)*

*Your strength lies in the subtly exotic,
Happiness in your art is unseen.
Barefoot, naked Japanese women
Pearls from the ocean's bottom glean.
This is what you have strived to achieve:
Leaving your father's house in pain.
Instead of intoxication with flesh
The elevation of labor you've attained.
There is great pride in the able workers
In their knives, hanging from the hip.
For bold protection from voracious sharks
Let none perish in their evil grip!
No, such a theme cannot be imagined
Through experience, it may only come.
Empty shells, strewn about the beach
Their fate, ashtrays to become.
Even dancing gave you no enjoyment
Among the paint-splattered juveniles.
You were the wife of an American
By whom, you were unjustly reviled.
Japanese of nakedness aren't ashamed
Accustomed to your own nudity
Seaweeds on the ocean floor, glance up
And gaze on the shape of true beauty.
Not the filth of sleazy publications
Your hand is positive and bold
Where did you learn anatomy so well?
And with sex continued the battle old.*

Грязь и похость модненьких журналов
Ты смела уверенной рукой.
Где ж ты анатомию познала,
Сексу объяляя жаркий бой?
Жизнь твою невзгодой не разбило,
Живопись тебя к себе звала.
Знаю, что нигде ты не учились
И сама натурацией была.
Ты на пляже нежилась в бикини,
Поражая совершенством форм,
Твой художник пред волною синей
Разливал по кружкам крепкий ром.
Сбросив всё, ты перед ним купалась,
Не боясь компании его,
Ты горячкой красок любовалась,
Не любя из всех нас никого.
И тебя не радовали танцы
В обществе малюющих ребят.
Ты была женой американца,
Что так подло вышвырнул тебя.
Отовсюду фотоаппараты,
Словно псы, гонялись за тобой.
Самому не верилось когда-то,
Что ты не сроешь пред судьбой!
Однокой в дом ты воротилась,
Но отец сказал тебе : "Уйди!"

*You relaxed on the beach in a bikini
Stunning us with your perfection of form
Your artist stood in front of a blue wave
And poured into mugs, a strong rum.
Shedding all, you went swimming before him
Not ashamed of present company
While admiring the warmth of his colors
You really didn't care for him or me.
From all directions, photo cameras
Like dogs, chased after you
I, myself, could not believe then that fate
Your spirit, would not eventually subdue.
Alone you returned to your home again
But your Father cried, "Go away!"
"You have not venerated your homeland
At this house and table, you may not stay!"
No, it isn't we who chopped off your roots
We are not worse than many or some
Passionately we still love our countries
Though to them, strangers we've become.
Who is the guilty cause of your wanderings?
Who is capable of blaming me?
Though our reasons are completely different
Our forefather's lands we'll never see.*

Для своей страны ты не сгодилась
И за стол с семьею не садись!"
Нет, не мы себя под корень рубим,
Мы не хуже остальных людей.
Оба отчий дом мы страстно любим,
Хоть чужие родине своей.
Кто в твоих скитаниях повинен?
Кто меня способен обвинять?
Хоть у нас и разные причины
Земли наших предков покидать.
Только нас ненастье не разрушит
И не бросит в нищету и дрожь,
Хоть на наши сморщеные души
Седенький накрапывает дождь.

*A bitter fate yet cannot destroy us
Nor blight us with poverty and fear
But upon our wasted, withered souls
A faint, grey drizzle, constantly appears.*

*Translated by
Tamara Bering*

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВАЛЬС

Цецилии и ее дочурке Анджеле!

Засияли праздничные ёлки
Над землёй в Рождественские дни,
и тогда на детской книжной полке
старых сказок вспыхнули огни.

И пускай над каждою кроваткой
светоносцы радостных вестей,
звёзды Вифлеема, как лампадки
осветят златые сны детей.

Рождество – весёлый фейерверкер
хвойных разукрашенных ветвей,
мерит Андерсоновскою меркой
яркий мир сверкающих свечей.

И глядят из освещённых окон
на лачуги, храмы и дворцы
Золушек рассыпавшийся локон
и игрушек стройные ряды.

Лодки, яхточки, автомобили,
самолётик, севший на ковры,
гномы в облаках шатры разбили,
чтоб хранить заветные дары.

Яблоки, печенья, ананасы
в сундуках хранятся расписных,
украшений ёлочных запасы
будут ждать и близких и родных.

CHRISTMAS WALTZ

*For Cecilia and
her little daughter Angela*

*Joy has come to Earth again on Christmas!
Christmas trees are shining in the snow...
At this time – the fairytales of childhood
Light the bookshelves with their magic glow.*

*Over children's beds and babies' cradles
Let the Bethlehem star spread out its beams!
Let the Star, its holy message bringing,
Light the children's sweet and golden dreams!*

*O, the happy fireworks of Christmas,
Festive boughs with garlands shining bright,
When the world is like a tale of Andersen –
Full of warmth and love and candlelight!*

*Every house is lit with windows glowing!
There you see for all the girls and boys
Cinderella's curly golden ringlets
And the rows of bright and lovely toys!*

*Ships and sailboats, railroad trains and airplanes,
Games and dolls and bicycles and cars...
Busy dwarves are wrapping toys and presents
In their tents high up among the stars.*

*Apples, cookies, oranges and candy
Kept in carved and painted treasure chests –
Take them out for Christmas decorations,
Gifts for all of those we love the best!*

Жизнь цветёт в покрытом снегом парке.
Дед Мороз сегодня на катке.
Угадай: какие-же подарки
держит он в увесистом чулке?

Даром раздают коньки детишкам.
Радуйся и падай, но скользи!
Налетай, девчёнки и мальчишки:
Холод вам сегодня не грозит!

А из окон, точно из ангаров,
выплюивают праздничные сны,
чтоб звенеть над зимним тротуаром
синим колокольчиком весны.

На большой и звонкой карусели,
вместо веселящихся детей,
скачут, скачут маленькие ели,
оседлав коней и лебедей.

Как хорош сочельник в яркий вечер!
Серебристой старости салют!
Детство выбегает нам навстречу,
находя у памяти приют.

*All the park is filled with life and laughter!
Santa Claus is at the skating-rink!
In his hands he holds a heavy stocking:
Guess what kind of presents does he bring?*

*He has given skates to all the children!
They fall down, then up they jump, so bold!...
Girls and boys are skating all together!
On a day like this they won't catch cold...*

*Christmas dreams come floating from the windows!
Rising high, into the sky they ring
Over snowy roads and wintry pavements
Like the blue and silver bells of Spring!*

*In the dream a carousel is turning,
And – behold: instead of girls and boys
Tiny Chrismas trees are floating, riding
On the backs of horses, swans and toys!...*

*Christmas Eve – a time of joyful brightness!
It unlocks our hearts with golden keys,
And our childhood self comes out to greet us
From our fondly cherished memories!...*

*Translated from Russian by
Helen Matvejev*

РОМАНТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ЖИВОПИСИ

Это мое послесловие к сборнику собственных стихов я написал экспромптом и, если можно так сказать, сомнабулически, потому что продуманное и обоснованное предисловие, написанное ранее, показалось мне рассудочным, растянутым и академичным. Пусть меня упрекают в чрезмерном субъективизме, как уже не раз в том же "тяжком грехе" упрекали меня за мои историко-литературоведческие статьи и советские и русские зарубежные критики. А что в сущности плохого в субъективизме? И вообще, что такое субъективизм и чем он отличается от так называемого объективизма? В свое время мне доводилось задавать этот вопрос многим авторитетным специалистам, от Виктора Жирмунского до Бориса Унбегауна. Это люди, перед которыми я искренне преклоняюсь, но при всем моем уважении к ним и признании их исключительных научных заслуг, я должен констатировать, что ни тот, ни другой, ни вообще кто-либо, не дали мне удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Для меня субъективизм — это открытое выявление и утверждение творческой индивидуальности. Субъективизм, на мой взгляд, это то, что спасает человека от примелькавшихся штампов, от нивелировки своего я. Допускаю, что в историко-литературоведческих исследованиях следует считаться с мнением корифеев и плыть в фарватере этих корифеев.

Иное дело, когда речь идет о сборнике стихотворений. Поэзия — это не только путешествие в непознанное и неисследованное, но и напряженные поиски своего лица, даже если его трудно отличить от других лиц. Если такие мучительные поиски называют субъективизмом, то да будет он благословен. А мне самому очень важно установить:

Afterword

THE ROMANTIC MOTIFS IN
IN RUSSIAN POETRY AND ART

The following afterword for the collection of my own verses, was written impromptu and one might say — somnambulistically. A previously written attempt — thoughtfully conceived and carefully weighed — seemed too reasonable, overlong and too academic. Let those who will, blame me for exaggerated "subjectivism". I have been accused of this "cardinal sin" before, both by Soviet and Russian emigré critics for my historical and literary essays.

Basically, what is so wrong with "subjectivism?" In general, what is subjectivism, and how does it differ from "objectivism?" Some time ago, I questioned several authorities, among them Victor Zhirmunsky and Boris Unbegau. These men, whom I greatly esteem and whose exceptional efforts in the fields of art and science I fully acknowledge, still could not answer me satisfactorily.

For me, subjectivism is an open revelation and confirmation of creative individuality. Subjectivism, as I see it, is that which saves one from duplicating samples of banality and the annihilation of the creative self. However, I do admit that in writing historical and literary works, one should take into account the opinion of such Coryphai, and follow them into deep water.

But when we deal with a book of verse, it is a different matter. Poetry is not only a journey into the unknown and undiscovered, but it is also the search for one's own face, indistinguishable from other faces. Or is it only a mask —

есть ли у меня свое лицо, или же это только маска, то ли Гумилева, то ли Волошина, то ли Вертиńskiego. Мне кажется, что в своих стихах я срываю три этих маски, чтобы читатель увидел меня таким, какой я есть. Если это произойдет, то сборник оправдает свое предназначение.

Стихи я пишу с пятнадцатилетнего возраста, а первое стихотворение появилось в печати тогда, когда мне исполнилось девятнадцать лет. Потом я годами забрасывал стихи, затем снова возвращался к ним, чтобы опять забыть о них. И вот теперь, на шестьдесят втором году жизни я решил подвести итог собственным стихотворным опытам Сборник "Плеск волны" – это далеко не полное, а лишь частичное подведение итогов. Для чего это нужно и кому это нужно? Вот вопрос, на который – прежде других – я должен сам ответить перед собой.

К стихам я уже в солидном возрасте вернулся тогда, когда работал над переложением на русский язык прославленных "Центурий" Михаила Нострадамуса. "Центурии," как бы ни относиться к ним, позитивно или негативно, наложили свой отпечаток на всю историю литературы XVI-го века, на переходный период от Средневековья к Возрождению. Работая над русским текстом "Центурий", я упрямо настаивал на том, что стихи должны быть переведены стихами же. Нельзя ограничиться публикацией подстрочников, как бы они ни были точны. Многочисленные отзывы на русский текст "Центурий" убедили меня в правильности такой точки зрения.

Известный успех "Центурий" и у зарубежных русских и у знающих русский язык иностранцев, повлиял на то, что предо мной открылась возможность сделать русское переложение и другого стихотворного сборника Нострадамуса, а именно его "Знамений". Я сам должен дать себе отчет в том, смогу ли я справиться и с этой работой: Ведь "Знамения", в отличие от "Центурий", менее значительны по содержанию, но более ценные по поэтической технике, по художественной форме.

Дело в том, что "Знамения" – это попытка Нострадамуса распознать судьбы отдельных людей и судьбы всего человечества по форме облаков в небе. Не один Нострада-

perhaps that of Gumiloff, Voloshin or Vertinsky? It seems to me that in my own verses I rip off all three of these masks and reveal my true self to the reader. If this happens, then my volume will have served its purpose.

I have been writing verse since the age of fifteen and my first poem was published when I was nineteen years old. Afterwards, I neglected poetry for long periods of time returning to it sporadically. Now in my sixty-second year, I decided to balance the account of all my poetic endeavors. This anthology, "A Splash of Waves", is definitely not a complete, but only a partially balanced account. Why is it needed, and for whom? First, I must answer this question to myself.

I was already middle-aged when I returned to writing poetry, in the adaptation of the illustrious "Centuries" by Michel Nostradamus, into Russian. Whether or not one reacts to "Centuries" positively or negatively, the book had a decided impact on the entire history of Sixteenth Century literature as a transition between the Medieval Ages and the Renaissance. While working on "Centuries", I stubbornly insisted that the verse form be retained. One cannot be bound by footnotes, no matter how accurate. Numerous favorable reviews of the Russian text have convinced me that my point of view was correct.

A certain success of "Centuries" among Russians abroad and foreigners knowing the Russian language – influenced my decision to adapt into Russian, yet another Nostradamus poem, namely "La Presage". At the moment, I must give myself account, if I can realize this work. "La Presage" is less significant than "Centuries" in content, but more valuable in poetic technique and artistic form.

"La Presage" is an attempt by Nostradamus to foretell the fate of individuals and mankind in general, by the shape of clouds in the sky. Nostradamus was not the only one to be intrigued by this. The shapes of clouds, whether they be stormclouds, feathery clouds, puffy clouds or whatever, have

мус этим занимался. Облака в небе, грозовые ли, перистые ли, кучевые или какие либо другие с древнейших времен привлекали внимание писателей и художников. "Знамения" Нострадамуса в этом смысле не первое и не последнее произведение. "Знамения" написаны в том же эмоциональном духовном ключе, которым пользовались после Нострадамуса, не говоря уже о его предтечах, и Гете, и Шиллер, и Гумилев, и Жуковский и многие другие.

С переложением на русский язык "Центурий" я спривился. А переложение "Знамений" на русский может быть оправдано лишь в том случае, если в том, кто взял на себя ответственность и за это переложение, увидят подлинного поэта. И, когда я выступаю со сборником "Плеск волны", то я чувствую себя так, будто я держу сложный и ответственный экзамен и перед читателем, и перед специалистами. В этом своем сборнике, я как бы предстаю перед судом, где читатели становятся присяжными заседателями. Если они вынесут оправдательный вердикт сборнику "Плеск волны", то это означает, что я подготовлен к переложению на русский язык "Знамений" Нострадамуса. В противном же случае игра не стоит свеч.

Должен откровенно признаться, что мне самому было очень трудно решить, а стоит ли вообще подводить итоги собственным поэтическим опытам и стоит ли вообще издавать сборник "Плеск волны". К положительному решению меня привел странный эпизод. Одним он может показаться наивным, но для меня этот эпизод имеет провидческий скровенный смысл. Дело в том, что я читал ряд стихов из сборника "Плеск волны" одному влиятельному литературному критику. Его ответ был настолько неожиданным для меня, что я переложил его суждения в такие свои стихотворные строки :

Подкидыши в старенькой зыбке
Свой стих я на свет выводил.
А метр с надменной улыбкой
И важностью мне говорил:
"Пиши, но признанья не требуй!
Твой стих, пыль музеев любя,
Расстает, как облачко в небе,
О новом Адаме скорбя".

always fascinated writers since ancient times. In this respect, "La Presage" is written in the same emotional vein used earlier by his predecessors and later by various writers such as Goethe, Schiller, Gumilov and Zhukovsky.

I managed the translation of "Centuries" into Russian, quite well. But "La Presage" will succeed and be vindicated only if the translator will observe the underlying poet. Therefore, when I take "A Splash of Waves" in hand, I feel as if I'm undergoing and examination before my readers and critics. I almost feel as if I'm on trial, facing a jury.

If "A Splash of Waves" gains a favorable verdict, then I shall apply myself to adapting Nostradamus' "La Presage" into Russian. On the other hand, if it is unfavorable, then I shall burn no midnight oil on this venture.

Nevertheless, I confess that it was difficult for me to decide whether my poetic attempts should be brought up-to-date, or if there was any sense in publishing "A Splash of Waves". But a strange occurrence influenced my positive decision. This event may seem naive, but to me it had prophetic and psychological importance.

While reading several poems from "A Splash of Waves", to an influential critic, I received an unexpected reaction that made me interpret his judgment into verse:

*A foundling wrapped in an old, torn cradle
My verse into the world I bore
But Meter with smile so cunning
Full of importance said to me:
"Write", but recognition do not seek
Your verse will gather dust in museums
And will melt like clouds in the sky
Grieving for a new Adam.*

"Will melt like clouds in the sky" – these words trans-fixed me and in a sense were a portent of "La Presage". Of course, my listener knew of Nostradamus and was familiar with "Centuries", and "La Presage". However, all of this

"Расстает, как облачко в небе..." – эти слова меня поразили и показались мне тоже своего рода "знамением". Мой собеседник, конечно, знает Нострадамуса и слышал о "Центуриях" и о "Знамениях". Но это произошло прежде чем предо мной открылась возможность переведения "Знамений" на русский. Что ж, пусть "Знамения" Нострадамуса – это грозовые облака странной и фантастической формы. В литературе "Знамения" останутся. И пускай стихи из моего сборника "Плеск волны" действительно расстают, как облачко в небе в будущих временах. Но от незаметного облачка все же может быть проложен путь к постижению тайны грозовых облаков. Потому то я и предлагаю вниманию читателей сборник "Плеск волны".

• • • • •

В послесловии к русскому тексту "Центурий" я писал о том, какое значение имело для меня близкое соседство со знаменитым Клойстером в верхней части Манхэттена, невдалеке от Вашингтонского моста. Это филиал музея Метрополитэн, остроумно и изобретательно сконструированный из разобранных и составные части средневековых монастырей Европы. С квартиры, где я живу, до Клойстера всего каких-нибудь десять или пятнадцать минут езды автобусом. Так получилось, что я из современного Нью-Йорка с его небоскребами, автомобильной суетой и реактивными самолетами в далеком небе, переносился в очарованный край средневековой культуры. Не будь такого соседства, которое для меня имеет мистический смысл, не было бы и русского текста "Центурий" Нострадамуса.

Когда я составлял сборник "Плеск волны", в который я включил и старые, и новые свои стихи, какая-то сила потянула меня в противоположный конец Манхэттена, в Ист-Риверский музейно-портовый комплекс. Я скептически отношусь к оккультным наукам, но готов считать, что в той силе, которая, независимо от меня, влечет меня на берега Ист Ривер, есть что-то нездешнее, потустороннее. Дело в том, что мои предки по отцовской линии с пятнадцатого

happened before the opportunity to write "La Presage" in Russian, presented itself. Therefore, let Nostradamus' "La Presage" be a cloud of fantastic shape and "La Presage" shall always have a place in literature. It is my wish that the poems from a "A Splash of Waves", be dispersed as clouds in the sky. Maybe from an insignificant cloudlet the path will lead to the innermost center of a great storm cloud, and that is the reason for the existence of "A Splash of Waves".

In the epilogue to the Russian text of "Centuries", I wrote that living in close proximity to the Cloisters, (a museum situated in Ft. Tryon Park, near the George Washington Bridge) had great significance to me. The museum is affiliated with the Metropolitan Museum of Art and is ingeniously and imaginatively reconstructed from parts of various old monasteries brought here from Europe. It is only a ten or fifteen minute ride from my house to the Cloisters. So it became possible to be transported from modern New York City, with its skyscrapers, automobile noises and the roar of jet-engines overhead, to the enchanting world of medieval culture. If this quiet setting were not so close to me, and had it not kindled a mystical feeling within me, there would have been no Russian version of "Centuries".

While compiling "A Splash of Waves", in which my old and new verses are included, an irresistible force seemed to draw me to the opposite end of Manhattan — to the South Street Seaport Museum (a historic landmark restoration). Usually I maintain a skeptical attitude towards the occult. But I am ready to accept the fact that an inexplicable power drew me to the shores of the East River, which was beyond normal sense-perception. It is significant that my paternal ancestors were seafarers, from the Fifteenth Century on. The only reason that my father did not become a naval officer — as had his father and grandfather before him — was due to his joining the Social Revolutionary Party (S.R.) and becoming a revolutionary. My profession, on the contrary, is sedentary

века были моряками. Мой отец, как дед и прадед не стал русским военно-морским офицером лишь потому, что с юношеских лет примкнул к партии эсэров, сделался революционером. Моя профессия сугубо штатская и сугубо сухопутная. Я не могу, я не вправе обижаться на тех, которые называют меня "книжным червем". К ним, например, принадлежит мой коллега по перу писатель Николай Катенев. Он море знает, он с морем связан. Но о нем шутливо говорят, что он попал не с корабля на бал, а с корабля в фешенебельный портовый ресторан, где засел на долгие годы, — стал управляющим рестораном. А морские рассказы Катенева так же, как и его "Повесть о двух друзьях", без всяких шуток, интересны. В них есть морская романтика, чувствуется дыхание океана и большей частью подлинного океана, а не выдуманного, не вычитанного из книг. Вот почему возомнившему себя моряком Метрдотелю, незачем иметь зуб против "книжного черва".

Однако, Николаю Катеневу я обязан стихотворением "Парус и Брага", хотя идея этого стихотворения была подана мне другим человеком.

Дело в том, что я уже больше пятнадцати лет, дважды в году даю в газете "Новое русское слово" отчеты об аукционах в Нью-Йоркском отделении международно-известной галереи Сотби-Парк Бернет. И все это время на выставках пользуются феноменальным успехом ковши, работы русских умельцев. В самой большой цене — позолоченные ковши, отделанные эмалью и драгоценными или полудрагоценными камнями. И вот мне как-то бросилось в глаза, что многие ковши — ни что иное, как миниатюрные модели стародавних гостевых (купеческих) кораблей на Руси. Я думаю, что вряд ли будет большим преувеличением предположить, что по таким ковшам можно будет проследить всю историю русского торгового судостроения с древнейших времен. Метание Катенева от ресторанныго дела к мореплаванию и укрепили меня в этом моем предположении.

Сборник "Плеск волны" навеян парусными кораблями. Лишь в редких случаях заходит речь о пароходах. Но

and based on "terra firma." I would not feel insulted if someone called me a "bookworm". One of my colleagues, Nikolai Katenev, belongs to this group. He knows the oceans and is bound to them. People jokingly say about him that he left the ship - not for the ball - but for a fashionable restaurant, where he remained to become general manager. All joking aside though, his sea stories, just as his novel, "A Tale of Two Friends," are highly interesting. They are romantic, evoke the ocean's breath, and are authentically sea-worthy and not fictitious inventions. That is why the "Maitre d'" should not hold any animosity toward a "book-worm":

I am indebted to Nikolai Katenev for my poem, "Sails and Home-Brew," though the idea was suggested by another person.

For more than fifteen years, I have reviewed the twice-yearly auction at the internationally famous Sotheby - Parke Bernet Gallery in New York. During this time the old drinking bowls, (Kovsh) fashioned by Russian artisans, have had a phenomenal success. The most expensive of these are the ones that are enameled and studded with precious and semi-precious gems. It suddenly came to my attention that the bowls are nothing more than miniature models of the ancient trading vessels of old Russia. I don't think that it is an exaggeration to assume that the entire history of merchant shipping can be studied by the shape of the bowls. Katenev's constant switching from the restaurant business to sea-lore, confirmed my supposition.

The collection, "A Splash of Waves", was definitely influenced by sailing ships. Only rarely does the subject concern itself with modern steamships. But it seems as if the projects conceived by the renowned naval architect, Vladimir Ivanovich Yurkevitch - the modern mechanized ocean liners - were taken in tow by the sailing ships of yore.

Vladimir Yurkevitch, whom I met in the United States, and with whom I spent many hours conversing, had gained world-wide fame as the designer of the ocean liner, "Normandie." This ship was the queen of passenger ships until

так получилось, что проекты крупнейшего кораблестроителя Владимира Ивановича Юркевича стали как бы теми совершенными машинными лайнерами, которые взяли на буксир парусные корабли былых времен.

Владимир Юркевич, с которым я встречался в Америке и часто беседовал, приобрел мировое имя как конструктор "Нормандии". "Нормандия" долгое время была королевой самых совершенных океанских пассажирских пароходов, пока не сгорела во время Второй мировой войны. Очень интересна форма "Нормандии". У неё пузатые бока, в то время как нос и крма имели заостренные обтекаемые формы. Чего достиг Юркевич такой конструкцией "Нормандии"? Увеличения скорости парохода.

Но вот что знаменательно: Форма "Нормандии" восходит к новгородским гостевым юмам XV-XVI вв. А это означает, что того, чего новгородские купцы ожидали от силы ветра, инженер Юркевич достиг с помощью самых новейших для его эпохи двигателей.

Когда в русском Нью-Йоркском ресторане "Рашен ти рум" собрались бывшие воспитанники Петербургского политехнического института, я сказал об этом Владимиру Ивановичу Юркевичу. Улыбаясь, он заметил, что не стоит переоткрывать Америки, открытой задолго до меня. О сходстве конструкции "Нормандии" с формой стародавних новгородских гостевых юмов Владимиру Ивановичу Юркевичу говорил его старый университетский товарищ Евгений Замятин, тоже кораблестроитель, ставший знаменитым писателем. Юркевич с теплотой вспоминал о том, как их чертежные столики примыкали друг к другу в Петербургском институте. Юркевичу же было известно, что даровитый писатель Борис Житков, пришедший в литературу с моря, или независимо от Замятина, или под его влиянием, заприметил некое сходство конструкции "Нормандии" с формой гостевых кораблей на Руси. Но Юркевич мне сказал, что из этого не стоит делать вывод, что идею "Нормандии" он заимствовал у Замятина или у Житкова, ничего подобного: идея обтекаемых форм, по словам Юркевича, заложена в мореплавании с древнейших времен. Все дело

it burned during World War II. The "Normandie's" shape was very interesting. She had bulging sides, but the bow and stern were slick and streamlined. What did Yurkevitch achieve by such a design? The rate of speed. The marvel is that the form of the Normandie is derived from the old Novgorod (Viking-like) trading ships of the Eleventh to Sixteenth Century. This means that the Novgorod merchants utilized wind in the same manner that Yurkevitch later achieved with the help of modern technology.

When I once met some former students of the St. Petersburg Polytechnic Institute at the Russian Tea Room in New York City, I mentioned this to Mr. Yurkevitch. He merely smiled and said, "It's not worth rediscovering America, since it has been discovered before me." The similarity in construction between the "Normandie" and the Novgorod vessels (called lumes) was noticed by his former college classmate, Evgeniy Zamiatin. Mr. Zamiatin is a shipbuilder by education, but has become a brilliant writer. Yurkevitch fondly recalled how their drafting tables stood side by side at the St. Petersburg Polytechnic Institute. He also mentioned that another gifted writer of the sea, Boris Zhikov — either independently of Zamiatin, or perhaps under his influence — also noticed the similarity of form between the Normandie and the ancient Russian sailing ships. However, Yurkevitch observed that it would be erroneous to conclude that the idea of the Normandie evolved from either Zamiatin or Zhikov. Nothing of the sort! The idea of a streamlined shape has been used in sailing since ancient times.

The point was that the wind's force had to be transposed to the force of modern engines and this cannot be denied as Yurkevitch's construction. It is interesting to note that Yurkevitch attributed great importance to the Nineteenth Century clipper ships, whose streamlined form exerted great influence on old and new shipbuilding. Some persons have inquired as to where I derived my information. Of course, I have taken several things from Katenev, several from Yurkevitch. But only poetry has brought me to these conclusions,

в том, чтобы переложить ветровую тягу на тягу двигателей новейших пароходов. И вот прав на такое переложение у него, у Юркевича никто отнять не может. Любопытно, что Владимир Иванович придавал огромное значение конструкции клипперов XIX столетия, отметив, что форма этих клипперов повлияла на обтекаемость форм старых и новых пароходов.

Меня спрашивают, откуда я всё это взял? Конечно, кое-что перенято мной от Катенева и от Юркевича, но только стихи привели меня к таким заключениям, ибо я – не корабельный архитектор и на специальные познания в этой области не претендую. И пусть читатель судит, насколько ценны эмоции и мысли таких стихотворений, как "Инженеру Юркевичу" и "Парус и Брага".

Но вернемся к Ист-Риверскому музеино - портовому комплексу. Нью-Йорк, как известно, все время перестраивается. Ист-Риверский музеино - портовый комплекс – это каким-то чудом уцелевший "оазис" Ист - Риверского порта XIX столетия. Старые парусники, старые пароходы стали экспонатами комплекса. А у реки Ист Ривер есть своё обаяние. Это верно уловил Петр Муравьев в своем романе "Полюс Лорда".

Когда я работал над сборником "Плеск волны", я мысленно переселился в "допароходные" времена, в эпоху парусных судов. Музеи на Фултон стрит так уж устроены, что благославили такое переселение, содействовали ему. А празднование двухсотлетия со дня подписания Декларации Американской Независимости стало для меня поистине чудостворением. Четвертого июля в Нью-Йорке состоялся грандиознейший парад парусных судов со всего света. Прибыло до 250-ти клипперов, фрегатов, бригантина, барок, шлюпов, шхун и парусников других типов. На параде были парусные корабли, не считая американских, из Англии, Голландии, Западной Германии, Франции, Испании, Италии, Норвегии, Швеции, Японии, Советского Союза и из многих других стран. Из двух нью-йоркских портов эта соединенная парусная армада отправилась в праздничное плавание по крупнейшим портовым городам Соединенных Штатов : армада посетила Нью - Орлинс, Сан - Франциско,

since I am not a naval architect and do not pretend to have any special knowledge on the subject. The reader must judge the sincerity of my thoughts and emotions in the poems, "To the Engineer Yurkevitch" and "Sails and Home-Brew?"

But let us return to the South St. Seaport Museum on the East River in New York City, which is being reconstructed. By some miracle it has remained an "oasis" as an unchanged Nineteenth Century seaport and has been designated a historical landmark. The old sailboats and sailing ships have become the exponents of this complex. The East River itself possesses a certain charm. This was captured by Peter Muraviev in his novel, "The Lord's Shield?"

Working on "A Splash of Waves," I consciously turned to the "pre-steamship" era — to the epoch of sailing ships. The South St. Seaport Museum is planned in such a manner that it blessed and aided such a transformation. The 200th Anniversary of the signing of the "Declaration of Independence" truly served as a miracle worker. On the 4th of July, 1976, New York City was a host to a magnificent parade of sailing vessels gathered from around the world. There were several hundred clippers, frigates, brigantines, barques, sloops, schooners and sailboats of all sizes and shapes. Besides the American ships, there were also vessels from England, Holland, West Germany, France, Spain, Italy, Norway, Sweden, Japan, U.S.S.R., and many others. After New York City, this sailing armada visited several other large ports in the United States, such as: New Orleans, San Francisco, Boston, New Bedford and even sailed as far as Honolulu in Hawaii.

The preparations for this sailing event inspired me greatly, though I had no direct connection with it. I'm in some half-way position between being a museum addict, a modest reporter and an ordinary observer. I do not pretend to greater heights in the formal sense. However, thanks to the enthusiasm generated by my various friends — seamen, yachtsmen,

Бостон, Нью-Бедфорд и дошла даже до Гонолулу на Гавайских островах. Подготовка к этому парусному параду меня воодушевила, хотя прямого отношения к ней я не имел. Я занимал какое-то промежуточное положение между музеем болельщиком, скромным репортером и рядовым зрителем. На большее, в формальном смысле, не претендую. Но благодаря тому энтузиазму, с которым мои друзья и знакомые, — это моряки, яхтсмены, фотографы, кино- и теле-операторы — готовились к грандиозному параду парусной армады, я смог завершить работу над сборником своих стихов "Плеск волны". Для меня это миниатюрный, скромный, незаметный личный праздничек на исполинском фоне праздника моряков всего мира.

* * *

Когда-то, лет двенадцать тому назад, в ныне несуществующем Институте Славяноведения в Нью-Йорке я объявил факультативный курс, в котором рассматривал историю русской культуры в свете контактов живописи и поэзии. Для меня строка Заболоцкого: "Любите живопись, поэты!" имела какой-то особый если угодно смысл. Многие живописцы тоже любят поэзию. Когда я объявил этот факультативный курс, я не чувствовал себя одиноким. Во-первых, мне на помощь охотно пришел мой друг, крупный скульптор и график, иллюстратор "Тихого Дона" Сергей Григорьевич Корольков, ныне покойный. Без его поддержки и опыта вряд ли я бы справился с этим курсом.

Надо еще отметить, что у меня и Королькова был и остается весьма способный и достойный предшественник: это художник Сергей Бонгарт, создавший в Санта-Монике, в предместье Лос-Анжелоса, школу живописи, которая считается в Соединенных Штатах одной из лучших частных школ этого рода. Бонгарт практикует совместное устройство художественных выставок и поэтических вечеров, причем он вполне заслуженно выделяет и отличает такого большого своеобразного поэта, как Иван Елагин.

Мой факультативный курс начинается с того, как древнейшие формы знаменного роспева повлияли на иконопись Феофана Грека и Андрея Рублева. Прослеживается

photographers, film and T.V. cameramen preparing for the event — I was able to complete my work on “A Splash of Waves”? This is a modest, unassuming, miniature personal holiday set against a background of this international mariners’ holiday.

About twelve years ago, in the now defunct Institute for Slavic Studies in New York City, I headed a course in the history of Russian culture in relation to painting and poetry. Zabolotsky’s line, “Poets love painting”, had a special, if prophetic meaning. Many artists love poetry. When I proposed this class, I felt I was not alone. In the first place, my good friend, the late Sergei Grigorevich Korolkoff — a fine sculptor and graphic artist, and illustrator of “Quiet Flows the Don”, — came to my aid. It is doubtful that I could have taught this course without his support and experience.

I must add that Korolkoff and I had a very talented and worthy predecessor. This was the artist, Sergei Bongart, who created one of the best private fine-arts schools in the United States, in Santa Monica (a suburb of Los Angeles), California. Bongart successfully combined art exhibits with poetic readings. He was also instrumental in noticing and advancing such original poets as Ivan Elagin.

My course began with the study of how the ancient liturgical chant (Russian Orthodox) influenced the ikon paintings of Theophanes the Greek and Andrei Rublev. We then examined the relationship of Derzhavin and Kheraskov to Eighteenth Century portraiture. Continuing, we spoke of Gogol’s interest in Alexander Ivanoff’s religious paintings. Much attention was devoted to Sergei Diaghileff’s views on the contact between painting and mixed media. Vassily Kandinsky’s experiments — “Songs Without Words,” and “Yellow Sounds,” are also not forgotten. A great deal of attention was given to the works of Pavel Filonov and his role with the “futurist-poets.” This course should be revived at the present time to include the new dissident Soviet writers.

отношение Державина и Хераскова к портретной живописи XIII века. Далее говорится об интересе Гоголя к религиозной живописи Александра Иванова. Много внимания в моем курсе было уделено взглядам Сергея Дягилева на контакты живописи со смежными видами искусств. Не забыты и эксперименты Василия Кандинского с его "Песнями без слов" и "Желтыми звуками". Много места отведено дерзаниям Павла Филонова и его отношению к поэтам-футуристам. Теперь этот курс следовало бы расширить за счет находок и открытий современных советских художников-диссидентов.

Работа над исследованием контактов поэзии и живописи, естественно, наложила свой отпечаток и на содержание моего сборника стихов "Плеск волны". Только здесь, в этом сборнике, я противопоставил собственные настроения, переживания, чувства научному анализу. И мне кажется, что подчас эмоциям открываются такие горизонты, которых невозможно достичь путем рассудочных наблюдений и изысканий.

Так я не могу забыть встречу с замечательным художником Евгением Габричевским.

Его одно время не замечали. Потом началась полоса признаний. И все-таки Габричевского не оценили так, как он того заслуживает. А Габричевский, на мой взгляд, достоен быть в одном ряду с Павлом Филоновым и Павлом Челищевым. Дело не в "измах". Не буду спорить с теми, которые считают всех троих, как и близкого к ним по духу и стилю Евгения Бермана, представителями сюрреалистического направления в русском искусстве. Другие считают, что эта великолепная четверка, пожалуй, ближе к предшествовавшей сюрреализму метафизической школе. Но как поэта, меня интересовало другое. Я мысленно переселялся в их картины, становился как бы путешественником по тем цветовым землям, которые они изображают. То, что невозможно для исследователя, под силу поэту, если он и вправду поэт.

Я встретился с Евгением Габричевским вскоре после Второй мировой войны. Через несколько лет я переехал в

Studying this relationship between poetry and art naturally left an imprint on the contents of "A Splash of Waves?" Only in this selection of my poems was I able to juxtapose contrasting moods, experiences, together with scientific analysis. Emotions open horizons that are impossible to achieve by reasonable methods or experimentation alone. Thus I cannot forget my encounter with the outstanding painter — Evgeniy Gabrichevsky.

He was not always recognized. Then a chorus of acclamation began. Nevertheless, he still did not receive the recognition that he deserved. In my opinion, Gabrichevsky is on an equal plane with Pavel Filonov and Pavel Tchelitshew. The problem is not with certain "isms"? I won't dispute those who consider all three, together with Evgeniy Berman — who is close to them in style and spirit — as representatives of a surrealistic trend in Russian art. Although there are some who consider this brilliant foursome as being closer to the metaphysical school, which pre-dated surrealism, as a poet, my interest lay elsewhere. Mentally, I was transported into their paintings and became a traveler in their imaginary landscapes. That which is impossible for an explorer is possible for a poet, if he is a genuine one.

I met Evgeniy Gabrichevsky shortly after World War II. After several years, I emigrated to the United States and became a permanent resident here. During the passage aboard the Army transport, the U.S.S. "General Taylor," we were caught in a severe winter storm. My emotional feelings in that storm inspired the rough draft for my version of "The Flying Dutchman." I am publishing a shortened version in "A Splash of Waves." When I reread this first draft, I realized that the impetus for this poem was a painting by Evgeniy Gabrichevsky. I was one of the first people in Germany to print reproductions of his "insane" work. My "Flying Dutchman" will also be considered "insane" by some. An earlier variation of this poem lay for years in my archives. But Vladimir Shatalov had an exhibit of his outstanding

Америку на постоянное жительство. Ехал я зимой на военном транспорте "Генерал Тейлор". Транспорт попал в сильную бурю. Переживания во время шторма и повлияли на черновой вариант моей поэмы "Летучий Голландец", которую я печатаю в сборнике "Плеск волны" в сильно сокращенном виде. Позднее, пересматривая этот черновик, я заметил, что толчок к поэме дала мне живопись Евгения Габричевского. А я еще в Германии был одним из первых, кто начал публиковать репродукции с его "безумных" работ. Моего "Летучего Голландца" тоже ведь находят "безумным". Ранний вариант этой поэмы годами оставался в моем архиве. Но вот Владимир Шаталов выступил в Нью-Йорке в Национальной Академической Галерее со своей значительной картиной "Ничего вокруг".

Эта смелая и вполне удавшаяся художнику попытка обобщить горестный опыт беженцев Второй мировой войны. Странное дело, многие из нас были в лагерях для перемещенных лиц, жили в страхе перед насильственной депатриацией в Советский Союз, мечтали о переезде в другие страны, где бы нам позволили вести новую спокойную жизнь. Но почему же наше хождение по беженским мукам не нашло объективного, всестороннего и обобщенного освещения в искусстве? Этот пробел был восполнен Владимиром Шаталовым, в чем большая заслуга художника. Под влиянием этой картины я стал переделывать свою поэму "Летучий Голландец", надеясь, что и мне удастся обобщить беженский опыт в диких, странных образах. О том, как я справился с этой задачей, пусть судят читатель и критик.

Хочу еще отметить, что мне всегда была близка романтическая настроенность разных видов искусства. Мои встречи и беседы с художниками нередко давали мне благодарный материал для романтических эмоций.

Так я встречался и беседовал с замечательным скульптором и художником Борисом Ловетт-Лорским. Когда он был студентом в голодающем и холодающем Петрограде эпохи военного коммунизма, его более, чем скромную студию как-то посетил писатель Александр Грин. В

painting, "Nothing Around," at the National Academy Gallery in New York City.

This was a bold and successful attempt by the artist to depict the bitter experience of refugees after the Second World War. It is strange that many of us, living in Displaced Persons (DP) Camps, in constant fear of repatriation to the U.S.S.R., dreamed of going to new countries, where we would be permitted to live in peace. Why didn't our tribulations find an objective, encompassing and generalized realization in art? It took Vladimir Shatalov to fulfill this gap and we owe him a great debt. Under the influence of this painting, I began to revise my "Flying Dutchman," hoping that I, too, would be able to portray the refugee experience in wild, strange shapes. How successful was my endeavor, let the reader and critic decide.

I would also like to note that Romanticism was always dear to me in the realms of art. My meetings and conversations with artists often gave me a wealth of material for romantic expression.

That is how I met and often spoke with that notable sculptor and artist, Boris Lovett-Lorsky, when he was a student in the desolate Petrograd epoch of Communism. The writer Alexander Green once visited his less-than-modest studio. Boris Lovett-Lorsky has acquired wide renown both in America and in Europe. While examining his sculpture, I was struck by the fact that several of his works seemed to be inspired by the novels and short stories of Alexander Green. I mentioned this to Lovett-Lorsky. He answered that though he was honored to have received Green in his miserable little studio, the latter had no influence on his work. Nor did he himself have any influence on Green. Each one just happened to concentrate on the old sailing ships as subject matter. Lovett-Lorsky said that he tried to imbue life into his statues of wood, bronze, marble and alabaster, whereas Green, according to Lovett-Lorsky, transformed his ships' figure-heads into living beings, endowing them with

Америке и Европе Борис Ловетт-Лорский приобрел самую широкую известность. Рассматривая его скульптуры, я обратил внимание на то, что некоторые из них как бы выхвачены из романов и повестей Александра Грина. Я сказал об этом Ловетт-Лорскому. Он ответил, что был очень рад встретить в своей жалкой студенческой студии Александра Степановича. Но ни Грин на него не влиял, ни, по словам Ловетт-Лорского, он на Грина: оба увлекались статуями, которые устанавливали на старинных парусных кораблях. Ловетт-Лорский говорил, что он дал этим статуям новую жизнь в дереве, в бронзе, в мраморе, в алебастре, в глине. Грин же, как предполагал Ловетт-Лорский, превращал корабельные статуи в живых людей, как бы давал им кровь и плоть. Вот почему творчество Грина обладает какой-то притягательной, магической загадочностью. Это высказывание Ловетт-Лорского показалось мне неожиданным и новым. Но эту новизну и неожиданность я раньше уловил как поэт в стихотворении, приведенном в сборнике "Плеск волн". А как литературный критик я ту же самую мысль оценил гораздо позднее. Так поэт предвосхищал критика.

Сказанное о живописи, правда, в гораздо меньшей мере, относится и к моему восприятию музыки. Однажды я слышал, как покойный пианист Исайя Зелигман, о котором писал Сергей Прокофьев в своих воспоминаниях, исполнял Первую сонату для фортепиано Скрябина. Вот вещь, под аккомпанемент которой, на мой взгляд, следовало бы читать роман Александра Грина "Бегущая по волнам". Еще раз меня убедили в этом импровизации Всеволода Акоретти, по профессии инженера, а не пианиста.

В своем стихотворении о Первой сонате Скрябина я не задавался целью воспроизвести в словах точный ритм сонаты. Эта задача трудная, но не невыполнимая. У меня была другая цель, стремясь к которой я дал полную волю собственному чувству и воображению.

Ловетт-Лорский говорил мне, что прототипом корабля "Бегущая по волнам", именем которого Грин озаглавил едва ли не лучший свой роман, был легендарный американ-

blood and flesh. That is why Green's work possesses a beguiling, magical endearment, lightened by a touch of mystery. This remark of Lovett-Lorsky's was new and unexpected. Although as a poet, I had a glimmer of this fresh idea previously and had utilized it in one of the poems from "A Splash of Waves;" as a literary critic I gained insight into this novel idea much later. Thus the poet surpassed the critic.

Everything said about art applies to a lesser degree to music. I once heard the late pianist, Isaiah Seligman — whom Serge Prokofiev mentioned in his memoirs — play Scriabin's First Piano Sonata. This opus, in my opinion, would be the best accompaniment to Alexander Green's "Running Along the Waves." Vsevolod Amoretti, an engineer and not a pianist, also confirmed my belief.

I did not attempt to duplicate the rhythm of words in my poem about Scriabin's First Piano Sonata. This task is improbable but not impossible. A different goal was in mind, to which I gave free reign and imagination.

Lovett-Lorsky also said that the prototype for the ship featured in "Running Along the Waves," — which is probably Green's finest novel — was the American clipper ship "Flying Cloud." I would say that this is correct. We know that Green was fond of sailing prints. He could possibly have seen a reproduction of this famous "Clipper," the sails of which truly resembled flying clouds. This was perhaps the most beautiful vessel ever built.

In writing my anthology, "A Splash of Waves," I was also influenced by the Greenwich Village art show in New York City, which I have reviewed every Spring and Summer for twenty years. Neo-Romanticism is the predominant style here. At these exhibits, I also acquired many friends — not only Russians, Ukrainians, White-Russians, Serbians, Poles, Chechs, but also Scandinavians, Latin-Americans and American artists.

My friendship with the noted Finnish modern artist, Lauri Nila, also provided a great deal of inspiration.

ский клиппер "Летящие облака", в самом деле существовавший. Думается, это — правда. Мы знаем, что Грин любил старые гравюры с изображением парусных судов. Могла ему попасться на глаза и гравюра с изображением этого клиппера, паруса которого удивительно напоминают летящие облака. Это один из самых красивых кораблей когда-либо существовавших на земле.

На мой сборник "Плеск волны" повлияло также то, что я в течение чуть ли не двадцати лет каждой осенью и каждой весной писал отчеты о выставках под открытым небом в Гренич Виллидж в Нью-Йорке. Неоромантики там преобладали. У меня появилось много друзей и знакомых, к которым принадлежали не только русские, украинцы и белорусы, сербы, поляки, чехи, но и скандинавские, латино-американские, американские художники.

Многое мне дало знакомство с крупным финским художником модернистом Лаури Ниля. С большой симпатией отношусь я к творчеству моих друзей: Дорис Ольсен (это американская художница скандинавского происхождения) и её супруга, корабельного архитектора и художника Рауля Мина-Мора. Оформление моего сборника "Плеск волны" и принадлежит супругам Мина-Мора.

Творчество Дорис Ольсен меня поразило. Когда встал вопрос о переводе на английский романа Александра Грина "Бегущая по волнам" (а французский перевод в издательстве Лафон появился сравнительно давно) я, отстаивая необходимость и английского перевода, указал, что никто лучше Дорис Ольсен, включая и советских иллюстраторов, не сможет выполнить лучших иллюстраций к "Бегущей по волнам". У меня есть серьезное основание быть особенно признательным и Дорис Ольсен и её мужу Раулю Мина-Мора. Эта супружеская пара помогла мне освободиться от характерно национального, чисто русского восприятия романтики. Благодаря таким людям, как Дорис Ольсен и Рауль Мина-Мора я оценил космополитичность романтического отношения к жизни и культуре. Особо следует остановиться на неоромантических мотивах в творчестве Юрия Бобрицкого.

I also have great admiration for the work of my friend, Doris Olson (an American artist of Scandinavian descent) and her husband, Raoul Mina-Mora, a naval architect and artist. This husband and wife team are the designers of the book jacket for "A Splash of Waves."

Doris Olson's creative artistry never ceases to amaze me. When the question arose of translating Green's "Running Along the Waves," into English (a French translation was published by Lafon publishers some time ago), I insisted that no one — including any Soviet artists — could illustrate this novel better than she. I have another reason to be particularly grateful to Doris Olson and Raoul Mina-Mora. This couple helped me rid myself of the characteristic national and clearly Russian approach to Romanticism. Thanks to people such as Doris and Raoul, I began to appreciate the cosmopolitan romantic approach to life and culture. In this respect we should pay special attention to the creative work of Yuri Bobritsky.

The basis for gaining insight into the Romantic truths was prepared for me by the paintings of Nicolai Konstantinovich Roerich, whose work I studied while still in the Soviet Union. In the early Thirties, I avidly examined several variants of Roerich's incomparable "Beyond the Seas there are Great Lands." This work convinced me that painting — just like poetry — is an odyssey to the unseen and unknown. It is a discovery and rediscovery of land, sea and cities. Later, Nicolai Roerich's son, Sviatoslav Roerich, revealed India to me and Vladimir Trechikoff rediscovered Africa after Gumileff. In this case, art enhanced and added to poetry.

In conclusion, I would like to say something about the cycle, "Orchid of the Night," included in "A Splash of Waves." I must confess that this cycle evoked both pain and pleasure. For instance, one evening at an intimate gathering, I began to read my poem about an artist's model turned artist, when suddenly I was stopped short by a former lieutenant-commander. (I had thought these characters existed only

Почву для восприятия романтических откровений для меня подготовила живопись Николая Константиновича Рериха, которой я занимался еще в Советском Союзе. В начале 30-х годов я пристально вглядывался в различные варианты бесподобной картины Рериха "За морями земли великие". Эта работа убедила меня в том, что живопись, как и поэзия – это путешествие в неизведанное и непознанное, это Одиссея, это открытие и переоткрытие неизвестных мне земель, морей, городов. Так Святослав Рерих, сын Николая Рериха переоткрыл мне Индию, как Владимир Тречиков после Гумилева переоткрыл мне Африку. Тут живопись как бы углубляла и дополняла поэзию.

В заключение своей вступительной статьи я хочу сказать несколько слов о цикле "Орхидея ночи", вошедшем в сборник "Плеск волны". Признаюсь, что этот цикл доставил мне и приятные и неприятные неожиданности. Когда я, например, читал вслух в интимном кругу стихотворения "натурщице, ставшей художницей", и "думал я, что таких лишь увидишь в романах", какой-то стоящий на страже чистоты нравов штабс-капитан резко остановил меня: "Как Вам не совестно, здесь дамы!" Бесполезно было объяснять этому достойнейшему старцу, что дамы находятся в том возрасте, когда их целомудрию уже ничто не угрожает. Совсем по-другому был воспринят прозаический перевод тех же самых стихов в Гренич Виллидж, в кафе поэтов. Меня спрашивали: "А где ж тут, собственно, эротика? Вы что, поступили в Армию Спасения и заботитесь о душах падших людей, что ли?" Таковы различные реакции на цикл моих стихов "Орхидея ночи" и сборника "Плеск волны".

И я рад, что разочаровал обе стороны. В Гренич Виллидж судьба свела меня с натурщицами и с танцовщицами, которые выступают или в весьма откровенных костюмах, или вовсе без оных. Но скажу прямо – студии художников и фотоателье, где позируют натурщицы, не для меня, хотя возможности присутствовать и тут и там у меня неограниченные. В таких студиях и фотоателье можно побывать один раз, ну, от силы, два раза – из любопытства, – но очень скоро все это приедается, становится как-то ненужно.

in books). This self-appointed guardian of public morality said, "Shame on you. There are ladies present!" It was useless to explain that the ladies present were long past the danger of losing their virtue. The same poem in a prosaic translation had a completely different effect in a poet's café in Greenwich Village. There I was asked, "...and where, as a matter of fact, is the eroticism? What are you — a saver of fallen souls for the Salvation Army?" These are the varying reactions for the cycle "Night Blooming Orchid," in "A Splash of Waves."

I'm glad that I disappointed both sides. Fate introduced me to nude models and dancers in Greenwich Village, who appear in abbreviated costume or none at all. To tell the truth, the artist's and photo studios where the models pose, are not for me, though the opportunity to be here and there is great. One can visit these studios once or twice out of curiosity, but they soon become tiresome and unpleasant.

However, I was able to observe these nudes and strip-teasers not in their routines — or professions, so to speak — but in everyday, ordinary situations: when they're completely and soberly dressed — indistinguishable from the crowd, or dropping into a luncheonette for a cup of coffee, washing clothes at the laundromat or taking their children to school. (Several hide their "specialty" from their children.) It seems that I was born dispassionate. These every-day cares and sorrows, just like a woman's spiritual life — even if she is "fallen," — transcend sensuality. That is why, in the short poem whose title gives the entire cycle its name, "Orchid of the Night", my attention is not focussed on the erotic, but is sympathetic to those songs whose composers attempt to correct or ease human grief.

Thus I repeat that at the last moment, in this introduction to my collection of verse, "A Splash of Waves," I refuse to view my poems against the background of contemporary Russian emigre and Soviet poetry. I can foresee that I

Но мне приходилось наблюдать натурщиц и присяжных исполнительниц стриптиза не на производстве, "так сказать, не за профессиональным делом", а в совсем иной, будничной обстановке: тогда, когда они, одетые вполне прилично, как все другие, приходят утром в закусочную выпить насконо стакан кофе, дежурят у стиральных машин, водят в школу детей (знаю таких, которые скрывают от детей свою "специальность"). Что ж, таким уж видно бесстрастным я уродился. Для меня обыденные горести и заботы, также, как и душевная жизнь женщины, хотя бы даже падшей, выше грубой чувственности. Вот почему, в "Орхидее ночи", в маленькой поэме, по имени которой назван весь цикл, мое внимание сосредоточено не на эротике, а на страдании, и на тех песнях, творцы которых хотят исцелить или облегчить человеческое горе. Таково мое вступление к сборнику "Плеск волны". Я, повторяю, в самый последний момент отказался от рассматривания собственных стихов на развернутом фоне современного состояния русской зарубежной и советской поэзии. Предвижу, что меня будут обвинять в крайнем субъективизме. Повторю, что "Да будут благословены такие обвинения!" Речь идет о пережитом и выстраданном. Таким образом, весь сборник я отдаю на суд читателя и критики, а экспромтное вступление к сборнику стало своего рода исповедью перед читателем и критикой.

Вячеслав К. Завалишин

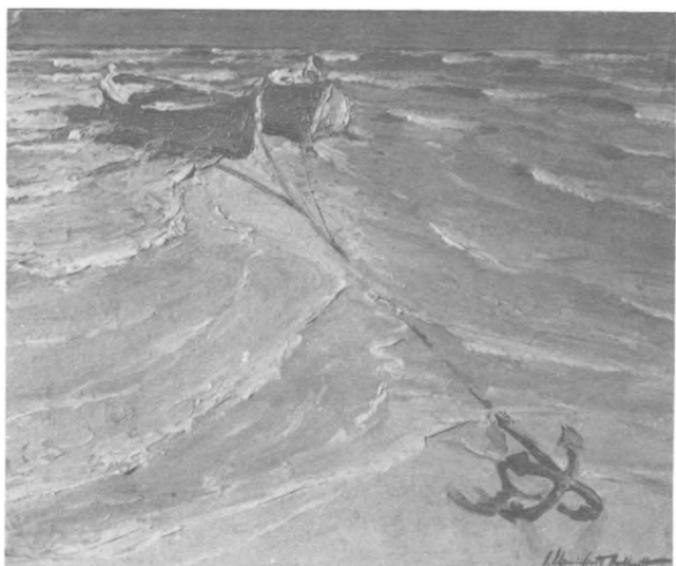
shall be blamed for ultra-subjectivism. Bless these accusations! The subject deals with life's experience and suffering. Therefore the entire collection is on trial before the reader and critic, and this impromptu introduction is a confession to the reader and critic.

V. K. Zavalishin

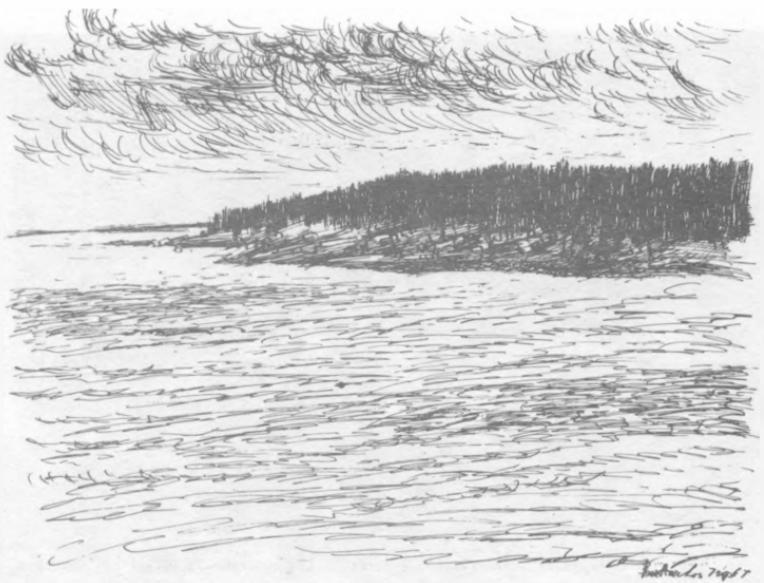
*Translated by
George Kosatch Jr.*

Сергей Швейнфурт, ШТОРМ
Sergey Schweinfurt, THE STORM

Сергей Швейнфурт, ЯКОРЬ БРОШЕН
Sergey Schweinfurt, THE ANCHOR IS CAST

Юрий Бобрицкий, РЕКА И БЕРЕГ
George Bobritskiy, RIVER AND BANK

"ЛЕТЯЩЕЕ ОБЛАКО", /Морской музей/
/Знаменитый клиппер прошлого века/
"FLYING CLOUD", (Marine Museum)
(The famous clipper of the last century)

ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ ТАНЕЦ, /Морской музей/
POLYNESIAN DANCE, (Marine Museum)

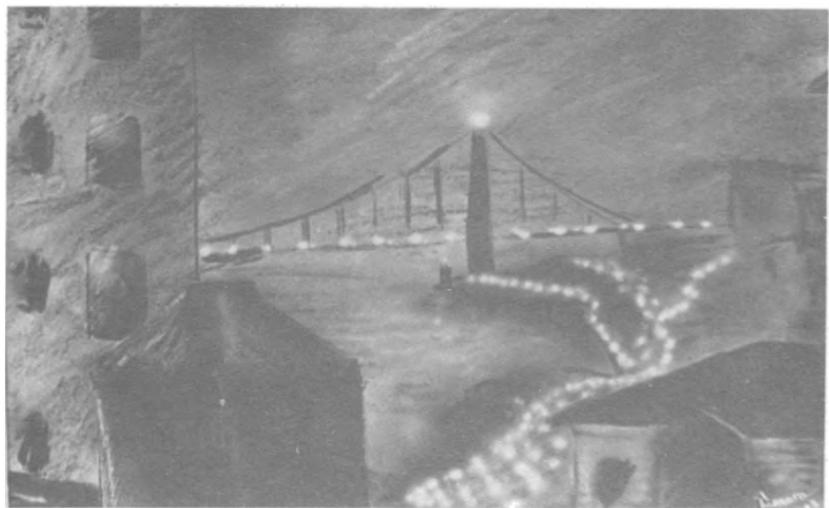
Сергей Голлербах, В СУХОМ ДОКЕ
Sergei Gollerbach, IN DRY DOCK

Владимир Шаталов, НИЧЕГО ВОКРУГ
Vladimir Shatalov, NOTHING IN SIGHT

Лигейя Дункан, МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ
Ligeia Duncan, SEASCAPE

Тамара Беринг-Сунгурова, МОСТ ЧЕРЕЗ ГУДЗОН
Tamara Bering-Sunguroff,
BRIDGE ACROSS THE HUDSON

Евгения Кутузова-Эрес,
У ЗАБЫТОЙ КАЛИТКИ
Eugenia Kutuzova-Eres,
AT THE FORGOTTEN WICKET

О Г Л А В Л Е Н И ЕC O N T E N T S

	СТР.
ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ	3
Flying Dutchman.....	3
Корабельному архитектору Раулю Мина Мора....	4
To Naval Architect Raoul Mina Mora.....	5
Сергею Голлербаху.....	8
To Serge Gollerbach.....	9
Юрию Бобрицкому.....	12
To George Bobritsky.....	13
Художнице Доррис Ольсон.....	14
To Artist Doris Olson.....	15
Плач леди Франклайн.....	16
(The translation of "The weeping of Lady Franklin")	
<u>Летучий Голландец</u> <u>Flying Dutchman</u>	
Владимиру Шаталову.....	18
To Vladimir Shatalow.....	19
Памяти Бориса Ловетта-Лорского.....	28
To the Memory of Boris Lovett-Lorskii.....	29
Крымские фантасты /Елене Матвеевой/.....	32
Crimean Fantastics (To Elena Matveyeff)....	33
За что? /Худ. Ирине Юниус/.....	36
For What? (To Irina Auniw).....	37
Корабельный реквием /Питеру Трекмортону/..	40
Requiem for Ships (To Peter Throckmorton).	41

Дирижабли над океаном.....	48
<i>Dirigibles over the Ocean.....</i>	49
Рыбный рынок /Худ. Сергею Бонгарту/.....	54
<i>The Fish Market.....</i>	55
Тамаре Беринг.....	58
<i>To Tamara Bering-Sunguroff.....</i>	59
Худ. Евгении Кутузовой-Эрес.....	60
<i>To Eugenia Kutuzova-Eres.....</i>	61
Лигейе Дункан.....	62
<i>To Ligeia Duncan</i>	63
Инженер Юркевич.....	64
<i>To Engineer Yourkevich.....</i>	65
Корабль Фелицы.....	68
<i>Felicity's Boat.....</i>	69
ОРХИДЕЯ НОЧИ.....	74
<i>Orchid of the Night.....</i>	75
Песнь о Трех Разлуках.....	76
<i>A Song of Three Farewells.....</i>	77
Вместо некролога.....	80
<i>Instead of an Obituary.....</i>	81
Той, которая дороже всех.....	84
<i>To her who is dearer.....</i>	85
Вместо Хроники происшествий.....	86
<i>In the Current Events Section</i>	87
Орхидея ночи.....	88
<i>Orchid of the Night.....</i>	89

Библиотекарь брошен любовницей	94
A Librarian Deserted by His Mistress.....	95
Той, которую зовут "Закатные блики..."....	98
To one named "Sunset Rays..."	99
Бывшей натурщице...	102
To a former Model.....	103
Рождественский вальс.....	108
Christmas Waltz.....	109
Послесловие:	
РОМАНТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ	
И ЖИВОПИСИ.....	112
Afterword	
THE ROMANTIC MOTIFS IN	
THE RUSSIAN POETRY AND ART.....	113

РЕПРОДУКЦИИ КАРТИН
REPRODUCTIONS OF PAINTINGS

Сергей Швейнфурт, ШТОРМ	140
Sergey Schweinfurt, THE STORM	140
Сергей Швейнфурт, ЯКОРЬ БРОШЕН	140
Sergey Schweinfurt, THE ANCHOR IS CAST	140
Юрий Бобрицкий, РЕКА И БЕРЕГ	141
George Bobritskiy, RIVER AND BANK.	141
"ЛЕТЕЩЕЕ ОБЛАКО" /Морской музей/	141
"FLYING CLOUD" (Marine Museum)	141
ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ ТАНЕЦ /Морской музей	141
POLYNESIAN DANCE (Marine Museum)	141
Сергей Голлербах, В СУХОМ ДОКЕ	142
Sergei Gollerbach, IN DRY DOCK	142
Владимир Шаталов, НИЧЕГО ВОКРУГ	143
Vladimir Shatalov, NOTHING IN SIGHT.	143
Лигейя Дункан, МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ	144
Ligeia Duncan, SEASCAPE	144
Тамара Беринг-Сунгурова, МОСТ ЧЕРЕЗ ГУДЗОН .	144
Tamara Bering-Sunguroff, BRIDGE ACROSS THE HUDSON . . .	144
Евгения Кутузова-Эрес, У ЗАБЫТОЙ КАЛИТКИ . .	145
Eugenia Kutuzova-Eres, AT THE FORGOTTEN WICKET . . .	145